Последний штрих к портрету

Автор:
Людмила Мартова

Последний штрих к портрету

Людмила Мартова

Желание женщины

Катя Холодова восхищается бабушкой своей подруги: Аглая Тихоновна стойко перенесла не одну трагедию, сохранив и стать, и стиль, и манеры, отличающие потомственную дворянку. Новую внезапную беду Аглая Тихоновна встречает не дрогнув, но Катя-то видит, что пожилая дама напугана. Кажется, призраки оживают, не желая более хранить тайны прошлого, и мирная жизнь пожилой аристократки превращается в сущий кошмар с убийствами, шантажом и поисками мифического золота… Или золото все-таки было?

Людмила Мартова

Последний штрих к портрету

© Мартова Л., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Лилии Сенченко,

увлеченной своей работой и помогающей найти все, что скрыто.

Пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов.

Э. М. Ремарк «Три товарища»

На улице шел дождь. Это лето в Москве вообще оказалось щедрым на дожди, они всё шли, затапливая улицы, словно насмешливо напоминая о далекой Венеции, кажущейся сейчас из-за карантинных ограничений несуществующей. Как, к примеру, Луна. Хотя Луну по ночам хотя бы в окошко видно.

Впрочем, для пожилой женщины, сидящей сейчас на мокрой скамейке, наклонившись вперед, чтобы не чувствовать спиной влажную деревянную спинку, и кутающейся в непромокаемый плащ, Венеция и Луна были равно далеки от реальности. И то и другое она видела только на картинке и даже не мечтала никогда, что может оказаться там на самом деле. Она же не Илон Маск.

Кто такой Илон Маск, она тоже не очень понимала. Про него и его полет на Луну что-то говорила внучка Тонечка. Или это не сам Маск полетел на Луну, а только корабль, строительство которого он оплатил? Или вообще не на Луну, а просто в космос? Ежащуюся от сырости женщину эти детали совершенно не интересовали. Все ее мысли сейчас были сосредоточены на том, что, наконец-то, она сможет дать Тонечке все, чего та заслуживает. Больше кровиночке не придется мыкаться по съемным квартирам, потому что бабушка купит ей свою собственную. Не надо будет сниматься в третьесортных сериалах, чтобы заработать, а можно будет спокойно тратить время на пробы, чтобы получить настоящую роль. Ту, что прославит девочку навсегда. А для этого нужны деньги. Большие деньги, которые у нее теперь будут. Совсем скоро.

Женщина посмотрела на часы – маленькие золотые часики, подаренные давным-давно на окончание школы, на долгую память – и нахмурилась. Человек, которого она ждала, опаздывал, а это было неправильно. Что ж, то, что у нее действительно оказалась долгая память, – к лучшему. И ее непунктуальный визави за это заплатит. Щедро заплатит. Так, что хватит и Тонечке на баззаботную жизнь, и ей самой на безбедную старость. Что ж, это хорошо. Это славно.

Боль, нежданная, а от того особенно пугающая, возникла ниоткуда. Вот только что она сидела на мокрой лавочке, подставив лицо потокам влажного воздуха, и

думала о внучке, и у нее ничего не болело, а мгновение спустя острое жало ввинтилось под левую лопатку и тут же заполнило собой грудь, разрывая ее на части. Еще через миг пожилая женщина осознала, что умирает.

Это было так неправильно и настолько не вовремя, что она попыталась жалобно вскрикнуть от терзающей ее бессмысленной несправедливости. Не сейчас, пожалуйста, не сейчас. Пусть не будет никакой безбедной старости, пусть вообще больше ничего не будет, лишь бы успеть получить деньги, которые она заслужила по праву. Получить и передать Тонечке. Она не может сейчас умереть, оставив девочку без всего. Не может. Не должна.

Человек, стоящий за ее спиной, усмехнулся тому, что эта глупая курица, осмелившаяся на банальный шантаж, даже не успела ничего понять. То, что она сидела, наклонившись, существенно облегчило задачу. Опирайся она на спинку скамьи, пришлось бы импровизировать, а так все получилось как нельзя лучше. Тихо скользнуло в карман просторного плаща сделавшее свою работу шило. Чувства триумфа от восстановленного порядка не возникало. Чувства удовольствия от совершенного убийства – тоже. Кто говорит, что убивать приятно? Только маньяки. Маньяком человек в плаще себя не считал и убивать ему не нравилось. Он просто делал то, что было необходимо. Вот и все.

Бросив последний взгляд на пустынный в такую погоду бульвар, человек пошел прочь. У скамейки, на которой все так же сидела одинокая старушка, убийца провел не больше двадцати секунд.

Глава первая

1969 год, Магадан

Старуха вызывала восхищение, граничащее с ненавистью. До того, как Иринка ее узнала, она даже не догадывалась, что можно восхищаться и одновременно ненавидеть, и что эта ненависть, вызванная чужим превосходством, недостижимой элегантностью и породистостью, что ли, может быть такой сладкой и острой одновременно. Практически как оргазм.

Потерю девственности в пятнадцать лет, да еще в сугробе за одним из деревянных бараков, на кои так щедр был город, старуха точно не одобрила бы, но рассказывать о своем первом сексуальном опыте Иринка и не собиралась. Меньше знает, лучше спит.

Распеканий и выговоров она не боялась и скучных нотаций тоже. Старуха никогда не орала, Ира вообще ни разу не слышала, чтобы она когда-нибудь повышала голос. В минуты недовольства чьим-то несовершенством – Иринкиным, Нюркиным, Глашкиным ли, неважно, – она лишь изгибала красивую холеную соболиную бровь, немыслимую в местных широтах, словно не недовольна была, а изумлена. И от этого движения брови собеседник тут же превращался в раздавленную, распластанную на стекле муху, уже обреченную, но еще живую, вяло перебирающую лапками в преддверии неминуемой кончины.

В старухе вообще все было немыслимым, невозможным для Магадана: высоко забранные в ракушку на затылке густые волосы, брошь-камея у тонкого горла, длинные пальцы в перстнях, которые старуха не снимала, даже когда мыла в холодной воде посуду, длинные, чуть шуршащие юбки до пола, из-под которых никогда и ни при каких обстоятельствах не показывался даже краешек чулка, спокойный взгляд серых глаз, никогда не темневших от ярости, боли или разочарования. Спокойными как вода подо льдом были эти глаза, как будто никогда не знавшие страсти. Вечно обуреваемую страстями Иринку это спокойствие бесило.

Каждый раз, оказываясь у Глашки в гостях, она внутренне собиралась, скручивалась в тугой узел, чтобы тщательно контролируемые эмоции не вырвались наружу, не сорвали маску бедной, но вежливой девочки из очень простой семьи, которая готова на все, лишь бы получить образование и вырваться из той мерзости, в которой проходила ее жизнь.

Она и правда была готова на все, чтобы уехать из Магадана, поступить в институт в далекой, никогда не виданной Москве, а потому и в школе училась яростно, не давая себе ни малейшей поблажки, и к Глашке таскалась каждый день, глуша ярую ненависть к старухе, потому что та натаскивала их обеих на поступление в институт, хваля Ирину даже больше внучки. И за усердие, и за талант.

Да, старуха говорила, что одетая в перелицованное материнское пальто и сшитую из старых штор юбку девчонка, чей отец отбывал наказание за то, что снял скальп с конвоира, очень способна к наукам. Иринке хотелось верить, хотя иногда она нет-нет да сомневалась, что Глашкина бабка говорит правду. Вдруг просто жалеет? Впрочем, жалостливой Аглая Дмитриевна не была, наоборот, выглядела жесткой, как металлическая балка, и закаменевшей, как сверхпрочный кусок гранита. Что ж, на то у нее, надо признать, было предостаточно причин.

Насколько старуха была твердой, настолько Ольга Александровна, ее дочь и Глашкина мама, была пластичной, напевной, текучей. Иринке нравилось смотреть, как Ольга распускает волосы. Достает шпильки из тяжелого узла на затылке, чуть встряхивает головой, и шелковый водопад все льется на узкую спину с выступающими ключицами, словно и не кончится никогда.

Острое несоответствие между высеченным из камня профилем матери и неуловимым, постоянно меняющимся выражением лица дочери, словно выполненного из мягкой, тающей под пальцами глины, цепляло и завораживало Иринку так остро, что иногда, приходя в дом к Колокольцевым, она забывала дышать.

Любопытно, что неспешная, вялая, слишком худая красавица Ольга с ее пшеничными волосами и тихим, всегда немного извиняющимся голосом Иринке нравилась, несмотря на полное отсутствие в ней характера, огня, внутренней силы. А вот старуху с ее железным стержнем внутри она ненавидела, хотя и восхищалась ею.

Бушевавших в Иринке страстей Глашка не замечала. Для нее Ира Птицына была просто верной подружкой, самой близкой, той, что в начальной школе защищала от нападок одноклассников-хулиганов и однажды даже огрела по голове портфелем Диму Зимина, который Глашку истово ненавидел, а потому задирал с особой жестокостью, какая встречается только в детстве.

Иринке Зимин нравился, точнее, она его любила, но не вступиться за Глашку не могла, потому что это было бы не «по понятиям». В Магадане, где все население, пожалуй, делилось на зэков и конвоиров, не вступиться за своего считалось позором и слабостью.

Иринка и сама не знала, когда так случилось, что Глашка стала для нее своей. Точнее, это она стала своей в доме Колокольцевых. Между нею и ее подругой зияла пропасть, которую было не перепрыгнуть. Тихон Колокольцев долгое время был начальником прииска, на котором работали заключенные, и, хотя Иринкин отец там не сидел, для нее этот факт все равно должен был быть основополагающим. Но почему-то не стал.

К тому моменту, как Иринка и Глашка встретились за одной партой, чтобы больше не расставаться, прииск был уже закрыт, а Колокольцев переведен на партийную работу. Второй секретарь обкома… Его нынешняя должность делала разверзшуюся между двумя девочками пропасть еще более широкой, однако Иринка, понимая, что перепрыгнуть через нее невозможно, шла над пропастью по туго натянутому канату, ежеминутно осознавая, что может сорваться и погибнуть, но все-таки умудряясь балансировать и мечтая только о том, чтобы канат нечаянно не провис.

Глашку назвали в честь бабушки, что вызывало у Иринки легкое недоумение. Как жить в одной квартире людям, которых зовут одинаково, и не запутаться? Впрочем, если хорошенько рассудить, в этом не было ни капли странности. Аглая Дмитриевна – божество, совершенство, тигр с головой античной статуи – отравляя своим существованием все вокруг, оплетала, как многощупальцевый спрут, слабовольную дочь и могущественного зятя, соседей и знакомых, школьных учителей и педагогов театральной студии, в которой занимались Глашка, Нюрка и Иринка. Внучку же она и вовсе подчинила себе целиком и полностью, и общее имя было лишь малой толикой этого глубинного обладания.

Однажды Иринка попробовала обсудить это с Нюркой, третьей их подружкой, конечно, не такой близкой к Глашке, как сама Иринка, но тоже входящей в узкий доверенный круг «своих», которым позволено было приходить в квартиру Колокольцевых. Так эта дуреха даже не поняла, о чем Иринка толкует.

– Ты что, Ир, – спросила она, смешно округляя глаза, почти лишенные ресниц. Из-за этого Нюрка была немного похожа на сову, но никто не смел ее дразнить, потому что не хотел получить от Иры Птицыной портфелем по голове. – Ты что, считаешь Аглаю Дмитриевну злой? Но она ведь очень добрая. И Глашку любит, и Ольгу Александровну, и к Тихону Ильичу с уважением относится, понимает, что он их с Ольгой от верной смерти спас, а теперь обеспечивает так, как в Магадане мало кому удается. И мы с тобой от нее ничего, кроме доброты, за все эти годы не видели. Она же нас практически вырастила.

– Вырастила… Скажешь тоже, – фыркнула Иринка.

– Ну, может, и не вырастила, но кормила наравне со своей внучкой, и книжки давала читать, и на все вопросы всегда отвечала, о чем ни спроси. Почему ты ее не любишь?

– А с чего мне ее любить, она не моя бабушка, а Глашкина, вот пусть та ее и любит, – независимо шмыгнула носом Иринка, хотя Аглая Дмитриевна запрещала так делать, уверяя, что врожденное отсутствие хороших манер проявляется именно в таких вот мелочах. Обычно Иринка за собой и своими манерами следила, а сейчас не сдержалась, с ужасом понимая, что практически спалилась. – И вообще, с чего ты взяла, что я ее не люблю? Я Аглаю Дмитриевну очень уважаю и благодарна ей за все, что она для меня делает. Если бы не она, у меня бы даже призрачного шанса на поступление в институт не было.

– Счастливые вы с Глашкой, – завистливо протянула Нюрка. – В Москву поедете. Как бы я хотела хотя бы одним глазочком на Москву взглянуть. Но с моим аттестатом мне только на хлебозавод дорога. Хотя вот поступите вы с Глашкой, будете в Москве жить, а я к вам в гости приеду. Хотя бы ненадолго. И вы мне все-все в Москве покажете.

– Ага, приедешь ты, тебя мамка не отпустит, – насмешливо сказала Иринка, чувствуя, что опасный поворот разговора пройден.

– Конечно, не отпустит. Ей ни за что денег на самолет не собрать, да и оробеет она меня отпускать. Тебе хорошо, у тебя мамка смелая.

Иринка, прекрасно знавшая, что мама свое отбоялась много лет назад, дипломатично промолчала. Молчать было спокойнее. Правильнее. И с чего это ее сегодня на откровения про Аглаю Дмитриевну потянуло? Привычная застарелая ненависть к старухе вспучилась, как трясина, раздираемая болотными газами, и тут же послушно улеглась на положенной ей глубине. Никто не должен догадаться о раздирающих душу Иринки страстях. Никто. Когда она снова подняла на подругу глаза, они были ясны и прозрачны, как морская вода весной. У нее нет повода ни для ненависти, ни для беспокойства. Если бы кто-нибудь в тот момент сказал семнадцатилетней Иринке Птицыной, что совсем скоро она умрет, она бы удивилась и ни за что не поверила. В ее возрасте молодые люди обычно думают, что будут жить вечно.

– Пойдем цветов нарвем, – сказала она Нюрке беззаботным тоном. – Аглая Дмитриевна любит георгины, вот мы ей их и принесем.

* * *

Наши дни, Москва

Нужно не забыть купить цветы. Катя всегда помнила, что Аглая Тихоновна любит георгины. Конечно, для них пока не сезон, но, слава богу, в Москве круглый год можно купить любые цветы, поэтому с георгинами проблем не будет. Впрочем, во всем, что касалось Аглаи Тихоновны, проблем быть в принципе не могло. Она была самым беспроблемным человеком, когда-либо в жизни встреченным Катей, актрисой Екатериной Холодовой, привыкшей разбираться с любой проблемой на счет «раз».

Аглаей Тихоновной Катя искренне восхищалась. Не внешностью, нет, хотя к 68 годам пожилая женщина сохранила и роскошную густоту волос, которые носила высоко забранными в ракушку на затылке, и соболиный размах бровей, тщательно подкрашенных самую малость, и бездонность глаз, серо-голубых, похожих на воду под толщей льда, и точеную фигурку, легкую, подвижную, как у юной девушки. Аглая Тихоновна носила только юбки, считая «штаны» исключительной прерогативой мужчин. Длинные, шуршащие юбки из тафты, мягкие, струящиеся из трикотажа, теплые твидовые, шаловливые ситцевые, парадно-выходные из шелка – все они красиво обтекали фигуру, оставляя легкую недосказанность. Из-под юбки мог выглядывать только носок элегантного ботинка или туфельки на каблуке, но никогда краешек чулка или, упаси господь, полоска кожи.

Длинные пальцы в перстнях, умело и небрежно державшие мундштук со вставленной в него сигаретой, казались трепетными и робкими, как у юной девушки, но Катя не давала этим пальцам себя обмануть, поскольку знала, что Аглая Тихоновна сорок лет отработала хирургом, а значит, движения ее пальцев умели быть четкими и скупыми, такими, от которых зависит жизнь.

Аглая Тихоновна вообще скупа на движения, слова и эмоции, как и положено потомственной аристократке, прекрасно знающей себе цену. Завершала идеальный образ брошь-камея у тонкого горла, старинная и наверняка дорогая. И Катя даже самой себе не признавалась, что ходит в гости не к Глашке, юной своей коллеге по театральному цеху, над которой взяла своеобразное шефство, а к Аглае Тихоновне, ее бабушке.

С Глашкой они делили гримерку в театре. Так уж получилось два года назад, что в театр пришли сразу две выпускницы Щепкинского училища – Аглая Колокольцева и Анна Демидова, и их подселили к Екатерине Холодовой, которая после ухода на пенсию одной из актрис театра получила гримерку в полное свое распоряжение.

Сначала из-за шумного соседства «птенцов», как про себя называла старлеток Катерина, она немного огорчилась, но быстро успокоилась. Во-первых, она никогда не переживала из-за того, что была не в силах изменить, а во-вторых, девчонки оказались веселыми, добрыми, трудолюбивыми и совершенно ненапряжными. С ними Катерина всегда чувствовала себя моложе, словно исчезали шестнадцать лет, пропастью лежащие между ней и «птенцами». В компании Глашки и Ани она чувствовала себя молодой и беззаботной, и это давно забытое чувство было, черт подери, приятным.

Так, надо не забыть заказать георгины. Странно, но Аглая Тихоновна действительно походила на эти цветы, простые и изысканные одновременно. Впрочем, сама она утверждала, что георгины напоминают ей о детстве, проведенном в Магадане. В том суровом климате выживали лишь петунии, бархатцы, ноготки и георгины. И именно они стали для Аглаи Тихоновны символом роскоши.

– Папа всегда дарил их маме, – рассказывала она Кате за чашкой чая. – Он вообще баловал ее страшно, потому что очень любил. Трудно было представить рядом двух более не подходящих друг другу людей. Дочь потомственной дворянки и зэка, отпущенного на поселение, вышла замуж за начальника прииска, представляете, Катенька? Это был немыслимый мезальянс, совершенно невозможный. Конечно, мама его не любила, но бабушка настояла на том, чтобы она приняла предложение, потому что это давало им шанс выжить: бабушке и маме. И мама пошла на эту жертву, представляете? И папа понимал, что это именно жертва, мне всегда казалось, что она выглядит в его глазах этаким жертвенным оленем, который лежит на алтаре со связанными ногами и ждет,

пока ему в шею вонзят острый нож. Но он действительно ее любил и баловал безмерно. Как, впрочем, и меня.

Когда Аглая Тихоновна начинала говорить о прошлом, в глазах ее всегда мерцал странный свет, как отблеск какого-то внутреннего пламени, причину которого Катерина все силилась разгадать, но не могла. В Аглае Тихоновне ей вообще виделось что-то таинственное, мистическое, что влекло Катерину к пожилой женщине с неведомой силой, отчего она напрашивалась к юной подружке на чай в любую свободную минутку. Впрочем, она знала, что в доме Колокольцевых ей всегда рады и ее присутствием не тяготятся.

Ее удивляло, что Анна ходить к Глашке домой не любила, более того, всячески избегала там бывать, придумывая любые предлоги, чтобы отказаться от предложения и откровенно изнывая во время визитов, от которых уклониться не удалось, сводя их к допустимому приличиями минимуму.

Как-то Катя полюбопытствовала почему. Они в тот день были в гримерной вдвоем, потому что Глашка приболела и на работу не пришла, и Катя собиралась после репетиции заехать ее проведать, что, естественно, было просто поводом поболтать с Аглаей Тихоновной.

– Поедешь со мной? – спросила она у Анны и, заметив, что ту перекосило от подобного предложения, спросила, что не так.

– Я не знаю, – честно сказала тогда Анна, – но я в присутствии старухи ужасно неуютно себя чувствую. Как будто она знает про меня что-то такое, что может разрушить всю мою жизнь.

– Что за глупости? – рассмеялась тогда Катя, потому что в словах Анны не было ни грамма здравого смысла. – Что такого она может про тебя знать, если ты вся как на ладони. Прости. И не называй ее старухой. Ей это слово совершенно не подходит.

– Да не во мне дело, – с досадой ответила Анна, предпочтя проигнорировать легкую выволочку за «старуху». – Я не знаю, как тебе объяснить, чтобы ты поняла. Наверное, все дело в том, что я человек творческий, мне свойственны смятение, колебания, внутренние сомнения. А у Аглаи Тихоновны все кристально ясно и понятно. Все по полкам разложено, в том числе и в голове. Ей

несвойственны терзания, она к своей цели идет по прямой, не сворачивая.

– Ну, она хирург, – заметила Катя. – Это, знаешь ли, действительно накладывает некоторый отпечаток на личность. В плане цельности натуры ты совершенно права. Но именно это мне в ней и нравится. Она после такой трагедии уцелела, практически из пепла восстала. Это же ужасно – потерять в юности всю семью, но не пропасть, а состояться. И потом, ты же знаешь, что она единственную дочь похоронила, но после этого тоже не позволила себе развалиться и Глашку вырастила, заменив ей родителей.

– Да знаю я это все, – махнула рукой Анна. – Может быть, именно потому, что знаю, она мне кажется роботом, а не человеком. Запрограммированной бездушной машиной, неспособной на эмоции. А я – актриса. Я без эмоций не могу. Да и аристократизм этот… Голубая кровь, белая кость… Кать, я из простой семьи. Мне все эти выкрутасы не по нутру.

– Ну да, конечно, – Катерина рассмеялась звонко и весело, потому что так ловко поймала Анну, которая по привычке опять играла. Актрисам трудно удержаться от переноса игры в повседневную жизнь, нет-нет да и очутишься на подмостках, чтобы наиболее выигрышно произнести ту или иную фразу. – А то я не знаю, что твой папа – вице-адмирал Тихоокеанского флота. Из простой семьи… Ну надо же…

– Можешь не верить, но у меня бабушка поваром в столовой для моряков работала. То, что папа военную карьеру сделал, только его заслуга и ничья больше. Точнее, еще бабушкина, потому что она жизнь положила на то, чтобы отца выучить и в люди вывести. Так что я жизнь простых людей очень хорошо знаю, с детства на бабулю смотрю. Вот она у меня – настоящая. А Аглая Тихоновна словно роль играет.

– Она в детстве играла в драматическом кружке, – сухо сообщила Екатерина. Все, что говорила сейчас Анна, было сущим вздором. Кате это было совершенно очевидно. – Она нам с Глашкой рассказывала. А аристократизм… Знаешь, Аня, гены – такая штука, что пальцем не выковыряешь. И если справедлива поговорка, что от осинки не родятся апельсинки, то это правило и наоборот работает. Бабушка Аглаи Тихоновны была дворянкой, Смольный, между прочим, заканчивала. Ее, кстати, тоже Аглаей звали. Это традиция у них в семье – внучку называть в честь бабушки. И они ее свято чтут, как и многое другое. У меня это вызывает только уважение, потому что преданность корням нынче редкость. Но

я тебя ни в чем не убеждаю. Ты вправе относиться к другим людям так, как считаешь нужным.

Неприятный для них обеих разговор Катя тогда замяла, умело переведя его на другую тему, и больше они с Анной к этому вопросу никогда не возвращались. Анна дружила с Глашкой в театре, вместе бегала на пробы, чтобы сняться в каком-нибудь сериале, они ходили в общие компании, которые собирались в каком-нибудь кафе, но домой к подруге она старалась не попадать. В отличие от Катерины, которую в ее молодой подружке больше всего прельщала возможность скоротать вечер вместе с ее необыкновенной бабушкой.

В последний раз Катерина была у Колокольцевых в середине марта. Потом ворвавшийся в их размеренную жизнь коронавирус лишил ее привычных посиделок на большой, с любовью и вкусом обставленной кухне. Аглая Тихоновна была в группе риска, и, хотя к возможности заразиться она относилась с легкой улыбкой, Катя считала себя не вправе рисковать чужой жизнью, а потому в гости ходить перестала.

За прошедшие три месяца она, конечно, пару раз разговаривала с Аглаей Тихоновной по скайпу, но это было совсем не то, что живое общение. Именно поэтому сегодняшнего вечера она ждала с особым нетерпением. 25 июня Аглая Тихоновна отмечала день рождения и собиралась впервые с начала пандемии открыть дом для гостей.

Так, не забыть заказать георгины. Зайдя на сайт любимого цветочного бутика, в котором всегда можно было выбрать что-то необычное, Катерина с головой погрузилась в составление флористической композиции, достойной изысканного вкуса Аглаи Тихоновны и ее сегодняшнего дня рождения.

* * *

1969 год, Магадан

Свой день рождения Глаша любила. С самого раннего детства он означал подарки – книжку от бабушки, какой-нибудь странный пустячок типа начатой

коробки конфет от мамы и что-то очень желанное от папы: новая кукла, когда Глаша была еще ребенком, отрез шерсти на платье, модные ботинки или ювелирное украшение, когда она стала старше.

У папы – серьезного, занимающего ответственный пост, видевшего в этой жизни такое, что Глаше даже и не снилось – дочка была главной, а точнее, единственной слабостью, ради которой он был готов на все. К счастью, у папы хватало ума внешне никак этого не показывать. О его безграничной любви к дочери, пожалуй, знали только они двое. И еще, конечно, бабушка, потому что та знала вообще обо всем на свете.

Кроме подарков, была еще одна причина, по которой Глаша любила свой день рождения. К последним числам июня в Магадане устанавливалось короткое и не очень щедрое лето, которого Глаша всегда ждала с нетерпением. Это трепетное и сладкое ожидание начиналось с последних учебных дней, когда в школе подводились итоги года, выдавались дневники с оценками, а затем наступали каникулы.

Учеба давалась Глаше легко, в ведомостях годовых оценок у нее не было ничего, кроме пятерок, поэтому итоговых контрольных она не боялась, реакции родителей на принесенный домой дневник тоже. Даже сами каникулы ей были, по большому счету, неинтересны, потому что учиться она любила и в школу ходила с удовольствием.

Просто с началом каникул так получалось, что как-то враз, практически за одну ночь зеленели сопки, а это означало, что пусть и ненадолго, но в Магадан пришло тепло. Относительное, конечно, всего-то плюс двенадцать-пятнадцать, максимум двадцать градусов. Но и они означали, что можно будет поваляться с книжкой на пляже, даже не надеясь, конечно, искупаться в холодном море.

В начале июня на берегу Нагайской бухты было принято собираться компаниями и ждать, когда пойдет на нерест мойва, которую местные, и Глаша тоже, называли уёк. Глаша как зачарованная смотрела, как вместе с накатом волны рыба устремляется к берегу, отражая солнечный свет переливчатой спинкой, отчего блики шли по воде так, что слепило глаза.

На мелководье мойва быстро сбрасывала икру и торопилась успеть обратно вместе с убегающей волной, а если не успевала, то приходилось ждать

следующей, и мойва лежала на обнажившемся песке, жалобно открывая рот, словно пела в преддверии смерти, но волна приходила и уносила ее обратно в море – непобежденную и свободную.

Почему-то нерест мойвы напоминал Глаше о революции. Она даже как-то поделилась с бабушкой своим наблюдением за пламенной революционеркой – мойвой, но бабушка только усмехнулась и постучала Глашу по лбу согнутым указательным пальцем, что делала всегда, когда была внучкой недовольна.

– Слишком много фантазий у тебя, – только и сказала она. – А фантазии до добра не доводят. В жизни преуспевает только тот, кто живет в ее реалиях. Запомни это.

С последним постулатом Глаша была несогласна. Не было в мире более далекого от реалий человека, чем ее мать, но, тем не менее, никто не мог сказать, что ее жизнь в чем-то не удалась. Замужем за достойным человеком, обеспечивающим ее всем необходимым, дом – полная чаша, муж обожает, дочь – умница и отличница. Ольга Колокольцева никогда не работала, но помогала придумывать костюмы для областного музыкально-драматического театра.

При постановке очередного спектакля именно она рисовала эскизы для всех костюмов, которые потом шились в мастерских театра. Здесь же одевалась и Ольга. Наряды для себя, уникальные, ни на что не похожие, она тоже придумывала сама, после чего муж доставал ей необходимые ткани, а портнихи шили блузки и юбки, платья и шубки, изготавливали шляпки и перчатки, броши и шарфы, которые Ольша обожала, считая без них образ незавершенным.

Мама всегда напоминала Глаше Спящую царевну. Она плыла по жизни словно в полусне, оживая только тогда, когда рисовала свои эскизы. Глаша знала, что мама вышла замуж без любви, и отчаянно ее жалела, потому что любовь представлялась семнадцатилетней Глаше обязательным условием счастливой жизни. Но и назвать мамину жизнь несчастной язык не поворачивался, потому что у Ольги Колокольцевой было все, о чем большинство жительниц Магадана могло только мечтать. В том числе и безусловная любовь мужа. В том, что папа любит маму, глубоко, беззаветно, пусть и без взаимности, а лишь с тихой покорностью в ответ, Глаша была уверена. И знала, что за эту любовь бабушка бесконечно ему благодарна, несмотря на то, что Ольге Тихон был не ровня, с какой стороны ни смотри.

Дней через десять-пятнадцать после нереста мойвы и наступал Глашин день рождения, который всегда отмечали шумно и большой компанией. Из Магадана никто из одноклассников не уезжал на лето, некуда было отсюда уезжать, поэтому нехватки гостей не наблюдалось. Бабушка пекла обязательные пироги, папа приносил соленую рыбу и икру, варилась картошка и на хлебных корках настаивался настоящий домашний квас.

Гостей звали к обеду, а после пяти часов, когда все расходились, дома оставались только «свои»: бабушка, папа, мама, Глаша и две ее самые близкие подружки, Иринка и Нюрка. К ужину до золотистой корочки запекалась курочка в духовке, открывалась бутылка вина или шампанского, и девчонкам наливали тоже, пусть и по чуть-чуть. И папа произносил обязательный тост за Глашино здоровье, а все торжественно чокались, и звон бокалов напоминал Глаше Новый год.

Новый год тоже был ее любимым праздником, перед которым на площади, разделяющей областной музыкально-драматический театр, в котором «работала» мама, и школу № 1, в которой учились Глаша и ее подруги, всегда ставили елку и насыпали горку для детворы. Но день рождения Глаша все равно любила больше, именно за то, что он приходился на короткое магаданское лето.

В этом году день рождения совпадал еще и с выпускным балом. Глаша заканчивала школу. Позади были выпускные экзамены, естественно, сданные с блеском, и отличный аттестат, к которому полагалась еще и золотая медаль. Такое же точно «золото» было и у Иринки, и за подругу Глаша была рада даже больше, чем за себя, потому что отличный аттестат был для Иры Птицыной единственным шансом вырваться в «другую» жизнь.

Глаша не признавалась даже самой себе, что их скорый отъезд в Москву для поступления в медицинский институт был вызван, скорее, необходимостью помочь Иринке, чем искренним желанием уехать в столицу самой. Отъезд из Магадана, расставание с семьей страшили Глашу, потому что она не представляла, как сможет просыпаться по утрам без запаха бабушкиных пирогов, шелеста ее длинной юбки, аромата маминых духов, ее отсутствующего взгляда, папиных объятий, поездок на его машине, из окон которой открывались потрясающие виды на сопки и море, рассказов обо всем на свете.

Она и врачом быть не хотела, мечтала стать актрисой, и это ее желание, втайне от отца и бабушки, подогревалось мамой, видевшей в театре смысл жизни.

Ходить в театральный кружок при театре Глаше позволяли, но всерьез думать об актерской профессии, разумеется, нет.

Дочери второго секретаря обкома полагалось выбрать более серьезную специальность, и медицинский институт подходил как нельзя лучше. Врачом хотела стать Иринка, и о Москве она мечтала истово и яростно, и Глаша не спорила, понимая, что не сможет в далекой столице остаться совсем одна. Уж если ехать учиться, то только вместе.

В Москве, далекой и чужой, жили какие-то бабушкины родственники, точнее, родная сестра с мужем и семьей. У них можно было остановиться на первое время. Затем Тихон Колокольцев собирался снимать дочери и ее подруге квартиру. Возможности для этого у него были.

– Я помогу тебе, оплачу перелет до Москвы, поселю с Глашей, денег на продукты давать буду с учетом вас обеих, тут ты не беспокойся, – говорил он Иринке. – Но уж и ты будь добра, за Глашкой приглядывай. Ты – человек самостоятельный, на тебя положиться можно, а Глашка – домашняя девочка, все в облаках витает. Так что я тебе самое дорогое, что у меня есть, доверяю.

Так что по большому счету Глашин скорый отъезд в Москву был результатом удачно наложившихся друг на друга чужих желаний. Бабушка мечтала, чтобы внучка вернулась в Москву, которую она сама была когда-то вынуждена покинуть. Папа мечтал видеть дочь врачом. Мама грезила тем, как Глаша будет ходить по московским театрам. Иринка рвалась прочь из дома, бредила тем, как завоюет столицу, и для них всех Глаша была той точкой, в которой сходились их надежды и чаяния.

Чего хочет она сама, ее никто не спрашивал, а если бы и спросил, то она, пожалуй, не смогла бы ответить, потому что и сама не знала. Будущее страшило ее, и все чаще, просыпаясь ранним утром, на несколько часов раньше положенного, она лежала, глядя в белый потолок и понимая, что если бы ей дали выбирать, то, скорее всего, она бы просто осталась дома. В Магадане. Рядом с людьми, которые ее любили.

25 июня. День рождения и выпускной. Ее ждет нарядное платье, которое придумала мама, и, разумеется, это будет самое красивое платье в классе. Ее ждут цветы – любимые георгины, которые как раз распустились под окном:

белые, с нежным, чуть розоватым отливом. И новые туфельки, которые отец две недели назад выписал из Владивостока.

Сегодня она получит аттестат и свою заслуженную золотую медаль, будет много танцевать и улыбаться, а послезавтра самолет унесет их с Иринкой в далекую неведомую Москву. Конечно, папа полетит вместе с ними, чтобы убедиться, что девочки хорошо устроились в столице. Он уже и командировку оформил, чтобы, по своей привычке, проверить все лично. Но потом, после экзаменов и зачисления, все равно придется оставаться в чужой и страшной Москве совсем одним. И пусть Иринку это совсем не пугает, та вообще смелая, безбашенная даже, но для Глаши будущее выглядит тревожно и неуютно. А значит, вполне еще можно успеть все переиграть и остаться дома.

Сегодня выпускной и день рождения, не надо портить их грустными мыслями и тяжелыми разговорами. В том, что ее ждет тяжелый разговор и с отцом, и с бабушкой, и с Иринкой, Глаша даже не сомневалась. Значит, разговоры нужно оставить на завтра, а сегодня веселиться и праздновать. Да, именно так она и сделает.

Глава вторая

Наши дни, Москва

Сегодня они, наконец-то, будут веселиться и праздновать. Репетиция закончилась, и, вернувшись в гримерку, Катя с удовлетворением обнаружила, что заказанные цветы успели доставить. На часах было начало четвертого, зарядивший с утра дождь давно закончился, даже улицы успели подсохнуть и выглядели свежими и умытыми, как снявшая косметику женщина.

Что ж, можно отправляться на день рождения к Аглае Тихоновне. Катя легко пробежалась по лицу пуховкой, чуть тронула губы перламутровым блеском, вдела в уши тяжелые серьги, которые умело подбирала практически к любому наряду, считая их неотъемлемой частью своего образа. Это ее умение Аглая Тихоновна оценивала высоко, каждый раз выражая свое одобрение легким

наклоном головы. Все ее жесты были, нет, не скупыми, а скорее царственными.

Прихватив одуряюще пахнущий букет, Катя заперла гримерку и, едва касаясь ступеней, сбежала вниз, кивком головы попрощавшись с вахтершей. Из-за карантинных ограничений народу в театре было мало, внутрь впускали только тех, кто непосредственно был занят в репетиции, в количестве не больше пяти человек. К примеру, и в гримерке Катя была одна, потому что ни Глаша, ни Анна в этом спектакле заняты не были.

Выйдя на улицу, Катя вдохнула сохранивший память о дожде воздух. Пах он вкусно, что, помимо простого удовольствия от свежести, дарило еще и понимание, что она различает запахи, а значит, здорова. Нехитрый, но обнадеживающий тест. До дома Колокольцевых было не больше двадцати минут пешком, причем большая часть пути пролегала по Цветному бульвару, и маршрут этот Катя любила. Он был дополнительным удовольствием при визитах к Аглае Тихоновне, и сегодня Катя представила, как выглядит со стороны: стройная, легкая, улыбающаяся женщина с букетом георгинов, танцующей походкой неспешно двигающаяся по летнему бульвару, чтобы поздравить с днем рождения одного из самых удивительных людей, которых она знала. Представила и рассмеялась.

– Здравствуйте, Екатерина, – голос, глухой, словно надтреснутый, шел откуда-то сбоку и чуть сзади, и Катя невольно дернулась от взявшегося ниоткуда страха, хотя при свете дня практически в центре Москвы ей было совершенно нечего бояться. – О, простите, если я вас напугал.

Она повернулась и увидела одного из своих учеников, с которыми занималась в созданном ею Открытом театре. Это было ее детище, ее любовь, ее страсть – Открытый театр, который собирал самодеятельных актеров и ставил любительские спектакли. Екатерина Холодова была его директором, режиссером, автором сценариев разворачивающихся на сцене спектаклей.

Впрочем, Открытый театр был не только площадкой для лицедейства, но и своеобразным психологическим тренингом, каждый из участников которого мог прожить на сцене свою проблему, проговорить ее вслух, проиграть, выплеснув боль, и, в конце концов, найти долгожданное решение.

Когда-то давно, в прошлой жизни, Катя, пытавшаяся собрать себя воедино после развода, вдруг поняла, что смягчить боль ей помогает именно сцена. Чтобы стать собой, иногда было достаточно сыграть кого-то другого. И именно это она и позволяла делать другим на занятиях Открытого театра.

Катин новаторский метод заключался в том, чтобы совместить любительский театр со своеобразной психологической лабораторией, и в прошлом году, во время выездного ретрита в Переславль-Залесский, пользуясь ее методом, удалось даже поймать убийцу[1 - Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Лунная дорога в никуда».].

С сентября она набрала новую группу, точнее, труппу, и полгода они ставили очередной спектакль, попутно «проигрывая» проблемы ее учеников, чтобы найти их решение. На июль они планировали премьеру, но в планы нагло вмешался ковид, с апреля Катя проводила репетиции онлайн, но это все-таки было не то, премьеру пришлось перенести на сентябрь, и все участники ужасно нервничали.

И вот сейчас перед ней стоял один из них, Владимир Бекетов, в повседневной жизни работавший следователем. Никаких психологических заморочек у него не наблюдалось, человеком он был устроенным просто, в чем-то похожим на параллелепипед, но на репетиции все-таки ходил исправно, хотя Катя никак не могла взять в толк, зачем ему это нужно.

Иногда он появлялся и в театре, где служила Екатерина Холодова, как правило, поджидая ее после спектакля, чтобы подарить цветы. Во время жесткого карантина, когда театр был закрыт, Катя иногда сталкивалась с Бекетовым в магазине, и тогда он помогал ей доносить до дома тяжелые сумки с продуктами, поскольку она старалась выходить из дома как можно реже и закупаться впрок.

– Добрый день, Владимир Николаевич, – сказала Катя чуть суше, чем это допускали правила вежливости. Ему действительно удалось ее напугать. – Сейчас, по законам жанра, вы должны сказать, что оказались здесь совершенно случайно.

– Нет, не случайно. Я специально пришел, чтобы вас повидать, потому что по службе оказался неподалеку.

– По службе?

– Да, на Цветном бульваре убили пожилую женщину, а я сегодня дежурный следователь.

Желудок Катерины ухнул куда-то вниз, и ее сразу жестко затошнило, так сильно, что она испугалась, что ее вывернет наизнанку, прямо на замшевые туфли стоящего рядом мужчины. Она наклонилась и задышала открытым ртом, чтобы унять тошноту.

– Что с вами? Вам плохо?

– Мне нормально, – проскрежетала Катя. Голос ее стал глухим от выворачивающей внутренности тревоги. – А какую пожилую женщину убили на Цветном?

– Да в том-то и дело, что мы понятия не имеем, кто она, – воскликнул Бекетов. – У нее при себе документов не было. Видимо, кто-то из жительниц окрестных домов. Пришла в парк посидеть на лавочке, зачем для этого паспорт. Обход соседних домов, конечно, проводится, но Цветной бульвар немаленький, домов вокруг уйма, так что на скорый результат рассчитывать не приходится. Остается только ждать, пока кто-нибудь заявит о пропаже пожилой родственницы. Да что с вами, Екатерина, вы такая бледная?

Конечно, за Аглаей Тихоновной никогда не числилась привычка сидеть на лавочке на Цветном бульваре. Она вообще считала глупостью любое праздное времяпровождение, а прогулку полагала временем для физической активности, если уж нельзя сходить на выставку или в театр.

Если она смотрела телевизор, то параллельно обязательно еще вышивала или вязала, если присаживалась на кухне, чтобы разложить пасьянс, то одновременно еще пекла какой-нибудь обязательный кекс, если читала, то непременно делая пометки в специальном блокноте, чтобы потом еще раз вернуться к своим мыслям и хорошенько обдумать сюжет и поступки героев. Нет, Аглая Тихоновна не была человеком праздным.

А вдруг это ее убили на Цветном? Тревожащая Екатерину мысль наконец-то сформулировалась четко, во всем своем ужасе, и Катя выхватила из сумочки

телефон, набирая знакомый номер.

– Алло, Глашка, ты дома?

– Ну да, а где мне быть, если я выполняю священный долг накрывания на стол, – услышала она журчащий голос молодой подружки. – Ты что, бабушку не знаешь? Она с утра на целую роту наготовила, а я теперь мечу все из печи. Уже вспотела вся. Ты, кстати, скоро придешь? А то я одна умаялась.

– Да, я уже бегу, – сообщила Катя и покосилась на стоящего рядом Бекетова. – Глаш, а Аглая Тихоновна с тобой?

– В смысле? – не поняла Глаша. – Со мной, вон, рядом стоит, передает тебе привет.

Парализующий страх схлынул так же внезапно, как и пришел. На мгновение Кате показалось, что она даже почувствовала дуновение ветра у самых пяток, мимо которых поток страха стремительно убегал в землю. С Аглаей Тихоновной было все в порядке, на бульваре убили кого-то другого, а значит, можно было выдыхать.

– Поцелуй ее и скажи, что я буду минут через пятнадцать, – сказала Катя и отключилась. – Владимир Николаевич, вы не против, если я пойду? У бабушки моей подруги сегодня день рождения, меня ждут.

– Вы в какой-то момент подумали, что это она – та самая жертва с бульвара? – проницательно спросил Бекетов. – Любопытно, почему вы так решили. Ваша знакомая пожилая дама кажется вам идеальным объектом для убийства?

– Вы говорите глупости!

Это было грубо, но в данный момент Екатерина Холодова не думала о политесе. За пять минут следователю Бекетову удалось напугать ее дважды, и так просто спускать ему с рук свой недавний страх она не собиралась.

– Бабушка моей подруги удивительная женщина, но случайное нападение с целью ограбления, к примеру, может подстерегать любого. Она уже немолода,

вряд ли могла бы дать отпор. Но, к счастью, с ней все в порядке. А вам я желаю удачи в вашем расследовании. До свидания.

– Погодите, Катя, давайте я вас провожу. – Не дожидаясь ее ответа Бекетов пошел рядом, примериваясь к ее поспешным шагам. – А цветы, как я сейчас понимаю, имениннице?

– Да, ей. Владимир Николаевич, так вы зачем пришли-то?

– Увидеть вас захотел, – бухнул он, и Катя запнулась, сбилась с хода, настолько неожиданным был для нее этот ответ.

– Зачем? У вас что-то случилось? Вы бы хотели проиграть какую-то ситуацию? По методу Открытого театра?

Теперь следователь смотрел на нее снисходительно и даже с какой-то жалостью.

– Катя, у меня не может ничего случиться. В смысле, ничего такого, с чем я не смог бы справиться БЕЗ проигрывания ситуации. Вы хотя бы приблизительно догадываетесь, что представляет собой моя работа?

– Приблизительно да, – буркнула Екатерина, – ваша работа – находить трупы на бульваре. И если честно, я давно заметила, что наши занятия вам совсем не нравятся. Я даже собиралась у вас спросить, зачем вы тратите на Открытый театр свое время, но не успела. До пандемии.

– Потому что мне нравитесь вы. – Он улыбался, хорошо, открыто, и эта улыбка удивительно шла ему, немолодому и уставшему человеку, работа которого заключается в том, чтобы находить трупы на бульваре.

Сорокалетняя актриса Екатерина Холодова, пережившая не один роман и никогда не терявшая уверенности в себе, вдруг почувствовала, что краснеет. Это было странно, потому что в стоящем перед ней совершенно обычном, немолодом уже мужчине, сидящая пузырем рубашка которого явно скрадывала намечающееся пузико, не было ничего сбивающего дыхание и заставляющего краснеть. Осознание странности сменилось злостью.

– Владимир Николаевич, меня ждут, а вы отнимаете у меня время, – отрезала она, развернувшись к нему лицом. – Поэтому давайте мы с вами расстанемся здесь. Вы пойдете по своим делам, которые у вас, несомненно, есть, а я отправлюсь на день рождения, которого очень давно ждала. Из-за этого чертового карантина я не видела Аглаю Тихоновну почти три месяца и не хочу терять ни минуты времени, которое могу потратить на беседу с ней. Она, знаете ли, интереснейший собеседник.

– В отличие от меня, – Бекетов закончил несказанное и засмеялся. – Ладно, Екатерина, я умею читать между строк и слушать между слов. Вы пытаетесь элегантно меня отшить, поэтому я удаляюсь. Простите, если показался назойливым.

Спустя всего мгновение Катя вдруг осознала, что его нет рядом. Крупный, даже грузный мужчина словно растворился в воздухе. Она даже головой повертела, пытаясь понять, куда он делся, но тишина стояла вокруг, только полупустой Цветной бульвар расстилался перед ней, и Катя пошла по нему, немного жалея об утраченной легкости, с которой она обычно преодолевала этот участок пути. Какое-то мимолетное сожаление испытывала она сейчас, хотя и не смогла бы сформулировать его природу даже для себя самой. Впрочем, ее ждала Аглая Тихоновна, а значит, сожалеть было не о чем.

* * *

1950 год, Магадан

Сожалеть было не о чем, а раз так, Аглая Дмитриевна и не сожалела. Жизнь вообще отучила ее от пустых сожалений, раз за разом лишая всего привычного, устоявшегося, важного, дорогого.

Стоя перед мутным зеркалом с облезшей по краям амальгамой, она придирчиво оглядывала себя в зеркало. Сорок восемь лет, а, пожалуй, уже старуха, особенно в сравнении с двадцатилетней дочерью. С Ольгой.

Подумав о дочери, Аглая Дмитриевна едва заметно улыбнулась. Видит бог, она много лет несла все бремя ответственности за их семью сама, в одиночку. Теперь пришел Ольгин черед. И если за спокойствие и достаток нужно заплатить, продав молодое тело, значит, так тому и быть. Она сама платила гораздо дороже.

Отойдя от зеркала, Аглая Дмитриевна выглянула в окно. Там бушевала зима, которую все привыкли называть суровой. На самом деле температура воздуха в декабре в Магадане практически никогда не опускалась ниже пятнадцати градусов мороза, пожалуй, теплее, чем в Москве, и снежных дней немного, и солнце есть, да и вообще Санкт-Петербург находится на той же географической широте, а вот поди ж ты, суровый климат, и все тут.

Впрочем, Аглая Дмитриевна прекрасно понимала, что дело вовсе не в климате и не в близости Охотского моря. На мгновение закрыв глаза, она вдруг как наяву услышала голос мужа Александра, размеренно объясняющего ей особенности местного климата в первую же зиму после ее приезда в Магадан.

– Видишь ли, Глаша, Охотское море выполняет функцию гигантского аккумулятора, поскольку его чаша, с одной стороны, достаточно обширна, а с другой, изолирована от остального Мирового океана. Весной здесь застаиваются плавучие льды, на их таяние требуется много энергии, поэтому воздух здесь и не может прогреться летом до привычных тебе температур. Лето у нас, как ты видишь, прохладное. Зато осенью и зимой воды Охотского моря отдают тепло, смягчая морозы. Но все же зима тут нестабильная, с Якутии идут антициклоны, которые способствуют установлению морозов, а с Тихого океана циклоны, которые несут потепление, снегопады и метели.

Аглаю Дмитриевну ничуть не удивило, что ее муж так уверенно разбирается в вопросах метеорологии. За годы брака она привыкла, что он знает обо всем на свете, но вот оборот «у нас» по отношению к Магадану царапнул сознание, срывая корочку с начавших подживать болячек. Восемь лет он провел здесь, в Магадане, один, без нее. И это брошенное вскользь «у нас» словно ставило крест на надеждах когда-нибудь вернуться в родную Москву. Всю жизнь ей что-то мешало туда вернуться.

В Москве Аглая Аристова родилась и провела все свое детство, поскольку вместе с сестрой воспитывалась у бабушки с дедушкой. Родителям, жившим в Санкт-Петербурге, было не до детей, и из Москвы ее забрали лишь в десятилетнем

возрасте, да и то только для того, чтобы сразу отдать в Смольный институт. Аглае на тот момент было десять лет, разлуку с бабушкой и сестрой она переживала очень остро, но быстро поняла, что плакать, пусть даже и втихаря, вовсе не выход. За нюни и прочее нарушение дисциплины в Смольном карали жестко и слабостей не прощали.

Было это в 1912 году, и сестра Аглаи Вера, будучи на четыре года младше, подобной участи избежала. Она была слаба здоровьем, когда ей исполнилось десять, на семейном совете было принято решение оставить ее дома еще на год. Когда же этот год прошел и наступил 1917-й, проблема стала и вовсе не актуальной.

Когда в октябре 1917 года Институт благородных девиц перевозили из Петрограда в Новочеркасск, Аглая Аристова сбежала. Без предупреждения появилась она на пороге родительского дома, где ей, как оказалось, были вовсе не рады. Привыкшие к свободе родители понятия не имели, каково это – нести ответственность за дочь-подростка, тем более в новых условиях. Когда они приняли решение уехать за границу, пятнадцатилетняя Аглая ехать вместе с ними наотрез отказалась. И отец, и мать были ей, по сути, совершенно чужими, и больше всего на свете она мечтала вернуться в Москву, к бабушке, ставшей к тому времени вдовой, и к младшей сестре.

Везти ее в Москву отец категорически отказался, не хотел тратить время на лишние поездки, которые к тому моменту были уже небезопасными. Аглаю вручили заботам коллеги отца, друга семьи Александра Лаврова, который был старше ее на пятнадцать лет, то есть почти в два раза.

Слыл он человеком обширных знаний и недюжинного интеллекта, свободно владел тремя языками, был блестяще начитан. Неудивительно, что еще в поезде Аглая влюбилась в него до беспамятства, словно в омут нырнула.

Что думал Лавров о влюбленной в него девочке, история умалчивала. За всю дорогу он ни разу не прикоснулся к ней, только подал руку, чтобы помочь сойти сначала с поезда, а потом с пролетки извозчика. Доставил к бабушкиному дому, согласился выпить чаю с дороги, был представлен бабушке и Верочке, а после отбыл, слегка прищелкнув каблуками. Аглая, заняв свою детскую комнату, заперлась внутри и проплакала весь вечер и ночь до утра. Сердце ее было разбито.

В следующий раз Аглая Аристова увидела Лаврова страшной весной двадцатого, когда они с Верой похоронили бабушку и остались совсем одни в холодной, голодной и злой Москве. За продуктами ходила четырнадцатилетняя Вера, потому что Аглае было опасно оказаться одной на улице. Сестру она одевала как ребенка, потому что вытянувшаяся Верочка тоже была уже достаточно хорошенькой, чтобы притягивать нескромные и недобрые мужские взгляды.

О том, что их с сестрой ждет дальше, Аглая предпочитала не думать, но отмахнуться от этих мыслей не получалось. Она понимала, что им нужно искать защиты, а найти ее можно было, только выйдя замуж. Но где при ее затворнической жизни взять жениха, да еще такого, чтобы от него не воротило с души, она не знала.

Все чаще думала Аглая о том, правильно ли поступила, отказавшись уехать с родителями, но, обращая свой взор на русую голову склонившейся над шитьем Веры, понимала, что да, правильно. Оставшись одна, девочка неминуемо пропала бы.

В бывшей бабушкиной квартире сестры занимали теперь только одну комнату, причем не самую большую. Хорошо хоть с соседями им повезло. С тихой старушкой, занимавшей самую маленькую комнату в квартире, тоже дворянкой, потерявшей всю семью, девочки разговаривали по-французски, дородная Татьяна, жившая с пятью детьми в бывшей гостиной, учила Глашу стирать белье и одалживала имеющееся у нее жестяное корыто, военный по имени Илья обеспечивал дровами и один раз отшил привязавшегося к Вере хулигана, рук не распускал, смотрел не сально. Остальные соседи были под стать – тихие, незаметные, нескандальные. Тем не менее из их с Верой комнаты Аглая предпочитала лишний раз не выходить.

Зимой девушки отчаянно мерзли. Принесенные дрова кончались быстро, чтобы их сберечь, буржуйку растапливали только по утрам. К ночи комната выстуживалась окончательно, и, лежа на одной кровати и прижавшись друг к другу, чтобы согреться под двумя тонкими одеялами, они отчаянно дрожали.

Аглае было проще, она привыкла мерзнуть в Смольном. Там тоже холод преследовал институток везде: в классах, в столовой, в спальнях. Иногда, засыпая, она вдруг воображала, что ничего не изменилось. Она по-прежнему в институте, рядом ее подруги, а Вера где-то далеко, в Москве. И не было никакой революции, и бабушка с дедушкой живы, и родители где-то неподалеку.

Потом она открывала глаза и обнаруживала себя в настоящем, в старом дедовом доме, в котором теперь можно было занимать только одну комнату, с дрожащей и стонущей во сне Верой рядом.

Сестренка мучилась от холода ужасно и даже разболелась, металась в бреду и кашляла так, что Аглае иногда казалось, что сестра задохнется. Пришлось вызвать доктора, который ходил к ним, когда девочки были еще детьми. Он жил на соседней улице, пришел быстро, выслушал Веру фонендоскопом – деревянной трубочкой, которую он смешно прикладывал к уху с таким серьезным видом, что Аглая не выдержала и засмеялась, хотя, видит бог, не было вокруг ничего, что способствовало веселью.

Ничего серьезного он у девушки не нашел, выписал порошки и микстуру, обещал зайти через пару дней и действительно пришел, а потом начал захаживать регулярно, явно оказывая Аглае знаки внимания. Было ему за пятьдесят, пожалуй, даже ближе к шестидесяти, и, поняв истинную причину его визитов, Аглая сначала удивилась, потом испугалась, а потом, поразмыслив, решила, что это, пожалуй, выход из той ситуации, в которой они с Верой оказались.

Жить им было практически не на что, все ценное, что осталось от бабушки и деда, Аглая давно уже выменяла на продукты, оставила лишь старинную бабушкину камею, с которой не смогла расстаться. Бабуля носила ее, не снимая, и Глаша тоже каждое утро пристегивала к потрепанной блузке камею, считая ее талисманом на удачу.

Старый доктор-вдовец мог предоставить им кров, защиту и еду, что, по нынешним временам, было совсем не мало. И в какой-то момент Аглая решила, что, когда он, наконец, объяснится, она согласится на любое предложение. Замуж так замуж, в содержанки так в содержанки.

Тот день, который в очередной раз изменил ее жизнь, начался буднично. Сестры, проснувшись, застелили постель, по очереди сходили в ванную комнату, оделись и причесались, как делали всегда, не позволяя себе даже в комнате ходить распустехами. На завтрак был хлеб с куском сахара и горячий чай. Затем Вера ушла в магазин, взяв с собой деньги, которые пару дней назад Аглае удалось выменять на старинный серебряный подстаканник, а старшая сестра осталась дома, пристроившись с книгой перед растопленной буржуйкой.

Раздавшийся звонок в дверь не мог иметь к ней никакого отношения, потому что звонили один раз, а не три. Да и не ждала она никого в этот утренний час. Кто-то из соседей открыл дверь, в коридоре послышались шаги, потом тихий стук. Аглая выскользнула из кресла, отперла замок, не успев ни удивиться, ни испугаться. Она вообще жила как во сне, иногда думая о том, что за три года растеряла весь спектр эмоций, перестав как плакать, так и улыбаться.

За дверью стоял Александр Лавров. Как ни странно, за эти годы Аглая ни разу не вспоминала свою случайную влюбленность и вызвавшего ее человека, но узнала его сразу, словно за дверь квартиры, поцеловав на прощание бабушкину руку, он вышел пару дней назад.

– Здравствуйте, Аглая Дмитриевна, – сказал он, – хотел прийти в день вашего рождения, но был в командировке, поэтому извините, что с опозданием.

– Откуда вы знаете, когда у меня день рождения? – глупо спросила Аглая и, спохватившись, добавила: – Вы проходите внутрь, пожалуйста. Негоже это, на пороге стоять.

– Я был дружен с вашими родителями, поэтому знаю, когда у вас и Веры Дмитриевны день рождения. Впрочем, важно сейчас не это. Аглая Дмитриевна, выходите за меня замуж.

Вряд ли было что-то, чем он мог удивить Аглаю больше.

– Замуж? – спросила она, словно не верила собственным ушам. – В каком смысле замуж?

Лавров засмеялся, словно она спросила невесть что смешное.

– В самом прямом, – заверил он. – Если вы хотите, я на колено встану. Я вас полюбил тогда, в поезде, по дороге из Петербурга в Москву. Но вы были пятнадцатилетней девочкой, вот и пришлось подождать до вашего совершеннолетия.

– Из Петрограда в Москву, нет теперь Петербурга, – зачем-то поправила его Аглая. – Хотя получилось красиво, почти по Радищеву. Боже мой, Александр,

если бы вы тогда сказали, что все дело в том, что надо всего-навсего подождать. Я же была уверена, что больше никогда вас не увижу.

Расписались они на следующий же день, после чего Лавров перевез Аглаю и Веру к себе. Только после свадьбы Аглая узнала, что он работает дипломатом, близок к Максиму Литвинову, часто бывает за границей. Благодаря ему Аглая увидела Вену, Берлин и Париж, где ей довелось, пусть ненадолго, но все-таки повидать родителей.

Отец замужество дочери одобрил.

– Саша тебя не обидит, – сказал он. – Будешь за ним как за каменной стеной, да и Веру удачно замуж пристроишь. Молодец, дочка, не ожидал, что ты такая.

– Какая? – спросила Аглая, во всем любившая точность.

– Умеющая приладиться к обстоятельствам.

Что он имел в виду, Аглая тогда поняла не очень. Мужа своего она любила и замужество браком по расчету не считала. Отцу она хотела возразить, что, бросив на произвол судьбы двух дочерей, он утратил моральное право одобрять или осуждать принятые ими решения, но не стала. Разве словами что-нибудь изменишь?

Спустя восемь лет после свадьбы старшей сестры вышла замуж Вера, Аглая и Александр остались в квартире вдвоем. Детей у них не было довольно долго. Аглая по этому поводу расстраивалась не сильно, получая удовольствие от светских раутов, на которых блистала, как в Москве, так и за границей, а Александру, казалось, и вовсе было довольно ее одной, и в качестве жены, и в качестве ребенка, которого он лелеял и баловал. Дочь у Лавровых родилась лишь через десять лет после скоропалительной свадьбы – в 1930-м. Аглае исполнилось двадцать восемь, ее мужу – сорок три. Девочку назвали Ольгой.

– Мама, я пришла, ты дома?

Аглая Дмитриевна вынырнула из воспоминаний, оторвалась от окна, в которое, оказывается, бездумно смотрела битых полчаса. Сказать или не сказать? Велеть

или не велеть? Она посмотрела на влетевшую в комнату двадцатилетнюю дочь, прекрасную в своей отнюдь не безмятежной юности. Сейчас, в далеком от Москвы, безжалостном к чужакам и неприспособленным людям Магадане у них обеих был только один шанс выжить. Тот самый, о котором много лет назад думала восемнадцатилетняя Глаша, согласная выйти замуж за старого доктора, только чтобы защитить себя и сестру от голода и надругательств.

Ночь, улица, фонарь, аптека.

Бессмысленный и тусклый свет.

Живи еще хоть четверть века —

Все будет так. Исхода нет.

Вспомнившийся внезапно Блок был сейчас очень кстати. Да, история повторяется, и в этом не ее вина. Если бы она могла торговать собой, то, не раздумывая, сделала бы это. Но ее «лежалый» товар больше не пользуется спросом, зато за ее девочку готовы дать неприлично дорого, ведь что может быть дороже жизни? Возможно, любовь, но Аглая Дмитриевна точно знала, что ее дочь пока еще никого по-настоящему не любила. Их с Сашей дочь вообще была немного не от мира сего. Жила в полусне-полуяви, не интересуясь ничем, кроме книг и редких кинофильмов. А еще рисовала. А раз так, то и терять ей нечего.

– Сядь, Оля, – вздохнув, сказала Аглая Дмитриевна. – Мне нужно с тобой поговорить.

* * *

Наши дни. Москва

– Мне нужно с тобой поговорить. Мне это просто жизненно необходимо. За эти три месяца я, кажется, совсем разучилась разговаривать, – сообщила Аглая Тихоновна Кате, едва та переступила порог квартиры.

Пожилая женщина показалась Катерине похудевшей и даже осунувшейся. Вручив цветы и подарок, Катя поцеловала сухую, гладкую щеку, которая тонко пахла пудрой, пожала протянутую ей для приветствия руку в тяжелых, очень элегантных кольцах.

– У тебя очень красивые серьги, Катенька. За георгины спасибо, они чудесные, мне так приятно, что ты помнишь об этой моей маленькой слабости.

– Конечно, помню. С днем рождения, Аглая Тихоновна. Главное – здоровья. Вы, кстати, хорошо себя чувствуете?

Именинница, казалось, удивилась Катиному вопросу.

– Абсолютно. А почему ты спрашиваешь? Я что, плохо выгляжу?

В этом невинном вопросе скрывалась изрядная доля кокетства. Катя рассмеялась и снова легонько чмокнула подружкину бабушку в щеку.

– Вы не можете плохо выглядеть, Аглая Тихоновна. И прекрасно об этом знаете. Просто мне показалось, что вы осунулись.

– Девочка моя, сидение взаперти не идет на пользу даже более молодым людям, чем я, – сообщила ей именинница и подмигнула, тут же превратившись из степенной дамы в озорную школьницу. Только косичек не хватало. – Скажу тебе как врач, этот карантин может подорвать здоровье почище любого вируса. Человек так устроен, что ему нужен свежий воздух и необходимо движение, иначе он сохнет и загибается. Я, конечно, стараюсь выходить хотя бы ненадолго, гуляю по бульвару, когда Глашка не видит и не может меня пилить.

Она заметила встревоженный Катин взгляд и быстро добавила:

– Нет-нет, не волнуйся, я соблюдаю все меры предосторожности и эту, как ее, социальную дистанцию. Ни к кому не подхожу, ничего не трогаю. Делаю круг почета по бульвару и спешу домой, а здесь сразу переодеваюсь, вывешиваю одежду на балкон и мою руки. Кстати, если бы меня спросили, то я бы сказала, что предпочитаю умереть от новомодной болезни, а не от гиподинамии и вызванных ею последствий. Все, деточка, проходи в комнату, к столу. Я

поставлю цветы в вазу и приду.

Катя прошла в гостиную, где у накрытого стола суетилась Глаша.

– Много народу ожидается? – спросила у подружки Катерина. – Все-таки меры безопасности никто не отменял.

– Да брось ты, – махнула рукой Глашка, – бабушка и так уже с ума сходит в четырех стенах. Такая нервная стала, ужас. И неловкая. Недавно чашку разбила. Говорит, что у нее от всех этих ужасов все из рук валится. Сказала, что день рождения будет отмечать, и точка. Говорит, что в ее возрасте переносить праздники не стоит, потому что до следующего можно и не дожить. Но ты не переживай, Кать. Мы толпу, разумеется, не звали. Да и где ее взять, толпу-то? Кроме меня, тебя и бабушки, будет еще ее коллега по работе Мирра Ивановна, соседка Нина Петровна, Мишка, брат мой троюродный, Вадим Алексеевич, разумеется, и Аня с бабушкой.

– Аня? Какая Аня? – не поняла Катя. Все остальные перечисленные гости были ей хорошо знакомы. В том числе и Вадим Алексеевич, который «разумеется». Это был старинный друг семьи, которого Катя подозревала в том, что в Аглаю Тихоновну он тайно влюблен. По крайней мере, жил он, кажется, бобылем.

– Наша с тобой Аня. Демидова, – Глашка расхохоталась, видя Катино удивленное лицо. – Ты что, забыла про третью соседку по гримерке?

– Анна придет на день рождения Аглаи Тихоновны? – вот теперь Катя была действительно изумлена, потому что знала, насколько Глашина подружка не любит ходить к ней домой. – Да еще и с бабушкой? Бабушка-то откуда взялась? Она же у нее во Владивостоке живет.

– Ну да. Во Владивостоке. Но перед самым карантином прилетела к Аньке в гости. Она же давно собиралась, а тут отец Анюткин в Москву прилетал по делам каким-то своим, адмиральским, и мать его уговорила с собой ее взять. Он потом на флот вернулся, а она у Аньки осталась, погостить немного, а потом, р-раз, коронавирус, самолеты отменили, вот она улететь и не смогла. Так у Ани и осталась. Ты что, не знала?

– Нет, не знала, – покачала головой Екатерина. – Да мне это, в общем-то, и неинтересно. И что, Аглая Тихоновна решила пригласить их на день рождения?

– Ой, да тут же целая история, – Глаша всплеснула руками. – А ты и впрямь ее не знаешь, вот что значит в гримерке не пересекаться целую вечность. Да и в гостях ты у нас сто лет не была, вот я тебе и не рассказала. В общем, эта самая бабушка стала у Ани выспрашивать, как она в Москве живет да с кем дружит. И Анька возьми да и скажи, что ее лучшая подружка Глаша Колокольцева, ну то есть я. А бабка в нее вцепилась клещами, говорит, ну-ка расскажи мне про эту Глашу, потому что у меня, когда я в школе училась, тоже была подружка Глаша Колокольцева. В общем, слово за слово, выяснилось, что эта бабушка родилась и выросла в Магадане и бабулю действительно знала.

– Ну надо же.

– И не говори. В общем, встретиться они не могли из-за карантина этого долбаного. Но по телефону несколько раз разговаривали. И сегодня бабуля решила их позвать в гости. Отметить день рождения и выпить за общие воспоминания.

– Ясно. А как Аглая Тихоновна отреагировала на появление человека из прошлого?

– Ой, ты что, бабулю не знаешь. Она же человек-кремень, у нее по лицу невозможно догадаться, какие эмоции ее обуревают. Сначала удивлена была, пожалуй. Еще бы, столько лет прошло. Но, пожалуй, не рада. Во-первых, о чем можно разговаривать с человеком, которого ты пятьдесят лет не видел? А во-вторых, ты же знаешь, при каких обстоятельствах бабушка из Магадана уезжала. И старушенция эта ей те тяжелые дни напомнила. Сразу про выпускной начала тарахтеть, а трагедия же и случилась, когда бабуля на выпускном была. В общем, она так распереживалась после первого разговора, что даже капли сердечные пила. Это бабушка-то, которая вообще лекарств не признает.

– Ой, а вдруг ей и сегодня нехорошо станет? – испугалась вдруг Катя. – Сегодня же именно тот день, когда был выпускной. Он же совпал с днем рождения Аглаи Тихоновны.

– Я тоже предложила в другой день встречу устроить. Но бабушка уперлась, как скала. Сказала, что давно уже научилась жить дальше, что после того, как моя мама умерла, ей вообще уже ничего в этой жизни не страшно. Что сегодня такой же день, как и все остальные, и все незакрытые гештальты лучше закрыть именно сегодня.

– Так и сказала? – улыбнулась Катя, потому что это было очень похоже на Аглаю Тихоновну и ее характер.

– Ага. В общем, не смогла я ее отговорить, так что скоро нас ждет историческое воссоединение людей, которые когда-то дружили, а потом полвека не виделись.

– Сплетничаете? – Аглая Тихоновна зашла в комнату, неся большую вазу с георгинами, установила ее на столик, стоящий у окна, отошла на пару шагов, чтобы полюбоваться тем, что получилось.

– Да вот, Глаша рассказывает про Анину бабушку, которая оказалась вашей одноклассницей.

– Скажи, сюжет! – воскликнула пожилая женщина и немного поправила один георгин, чтобы не выбивался из ряда остальных. – Я про ту часть своей жизни так старательно пыталась забыть, что даже не сразу поняла, что это действительно моя школьная подружка. Но жизнь – такая удивительная штука, никогда не знаешь, за каким ее поворотом тебя ждет нежданная-негаданная встреча. Я ж, Катенька, сначала переживать начала, а потом подумала и успокоилась. Каждого ждет встреча с оставленным далеко позади детством, и какая бы тяжелая она ни была, а пройти через это надо. Пройти и, наконец, забыть. Господи, Глаша, а пироги-то… мы же с кухни пироги забыли принести.

Ее хрупкая, легкая фигурка метнулась к дверям, Глаша побежала следом.

– Ба, давай я помогу, не тащи ты это блюдо, оно тяжелое…

– И что с того, что тяжелое, я еще, слава богу, не инвалид, – услышала Катя, и от этой легкой перепалки, в которую всегда вступали бабушка и внучка, у нее стало тепло на душе. В этом были все Колокольцевы, две Аглаи, старшая и младшая, безумно любящие друг друга и заботящиеся друг о друге даже в мелочах.

Постепенно собирались гости, поздравляли Аглаю Тихоновну, вручали цветы и подарки, обнимали Глашу, здоровались с Катериной, которую на правах завсегдатаев этого дома, конечно же, хорошо знали, рассаживались за большим, щедро накрытым столом.

Колокольцевы вообще жили щедро и хлебосольно. Екатерина однажды задумалась, на какие средства. Клубника зимой, потому что ее очень любит Глаша, малина круглый год, потому что это любимая ягода Аглаи Тихоновны, элитный алкоголь, продукты с рынка, содержание четырехкомнатной квартиры на Цветном бульваре, маленькая юркая машинка, которую бабушка подарила Глаше на окончание театрального института – все это никак не могло объясняться пенсией Аглаи Тихоновны и скромными Глашкиными заработками.

Екатерина, к примеру, чтобы обеспечить себе нормальный уровень жизни, и режиссурой занималась, и Открытый театр создала, и уроки сценречи давала, и мастер-классами не брезговала, но до свободного отношения к деньгам, о которых можно было бы не думать, в ее случае даже речи не шло. А тут пенсионерка и начинающая актрисуля.

Хоть это и было неприлично, она даже спросила как-то о том у Аглаи Тихоновны. Не в лоб, конечно, спросила, а исподволь, отказавшись угощаться крупной, очень сладкой малиной, в декабре стоившей целое состояние.

– Спасибо, я не буду есть малину, – вежливо сказала она. – Могу предположить уровень ваших доходов и нахлебничать не стану, неудобно это.

Аглая Тихоновна тогда озорно рассмеялась и тряхнула головой, это был ей одной присущий жест, который удивительным образом ей шел, делая моложе.

– Катенька, ты прелесть, – сказала она звонким, ничуть не утратившим богатых модуляций голосом, – это так мило, что ты боишься нас с Глашей объесть. И чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос, скажу, что в финансах никакого стеснения мы не испытываем. Ты же знаешь, что мой муж, царствие ему небесное, был скрипачом с мировым именем. Он обеспечил нас так, что еще Глашкиным внукам останется. Да в этой квартире одного только антиквариата на миллионы, мы с Глашей к этому старью равнодушны, так что я продаю его потихоньку, на то и живем. На малину для гостей хватит, не переживай, пожалуйста.

И Катя больше действительно не переживала, потому что раз Аглая Тихоновна считает, что в их доме принимать угощение можно без стеснения, значит, так тому и быть. Антикварных предметов – мебели, старинных ламп, ваз, инкрустированных шкатулок, бронзовых подсвечников и прочего древнего хлама, стоящего, впрочем, действительно состояние, в квартире Колокольцевых и впрямь было много.

И Аглая Тихоновна «хлам» действительно не любила, выделив ему одну комнату, самую дальнюю, в которой располагался раньше кабинет ее покойного мужа, и устроив там что-то типа музейного хранилища. Остальная же квартира была просторной, светлой, с современным ремонтом и большим количеством воздуха. Антиквариат в ней смотрелся бы странно, нарушал бы гармонию, но при этом он удивительно шел самой Аглае Тихоновне с ее длинными шуршащими юбками и старинной камеей под подбородком. В современном, почти стерильном интерьере она смотрелась чуть инородно, но одновременно это придавало ей еще больше шарма и загадки. Удивительная женщина, удивительная.

Анны и ее магаданской бабушки все не было. Минут через пятнадцать после назначенного времени виновница торжества сказала, что ждать, пожалуй, не будут, надо рассаживаться по местам и начинать праздновать, все наверняка голодные. Катя, до этого вовсе не хотевшая есть, вдруг почувствовала, что у нее урчит в животе. Взяв кусок рыбника с палтусом, она с наслаждением стала есть. Все остальные гости тоже приступили к трапезе, а за столом потек тот ни к чему не обязывающий разговор, присутствовать при котором актриса Екатерина Холодова очень любила. Такие разговоры давали ей массу впечатлений, которые потом можно было использовать в постановках. Салаты и пироги были съедены, подали горячее – утку, жаренную с яблоками и грушей.

– Что-то я переживаю, что Ани до сих пор нет, – негромко сказала Кате на ухо сидящая рядом с ней Глаша. – Как думаешь, может, ей позвонить, не случилось ли чего?

– Не надо звонить, – пожала плечами Катя. – Это неудобно. Такое чувство, что ты им Аглаю Тихоновну навязываешь. Не хотят, не надо. Тут и без них весело.

В глубине души она была совсем не удивлена тем, что Аня Демидова вместе со своей неведомой бабушкой посмели не явиться на день рождения, на который были официально приглашены. Она-то знает, как сильно Аня не любит ходить к

Колокольцевым. Так сильно, что даже ради бабушки не может сделать исключение. Но Глаше же этого не расскажешь, вот еще не хватало, вбивать клин между подругами.

Катя видела, что Аглая Тихоновна время от времени посматривала на маленькие золотые часики, перехватывающие ее тонкое запястье. Часики были старинные, а оттого немодные, но Катерина знала, что Аглая Тихоновна наотрез отказывается менять их на любые другие. Эти часики, как и камея на воротнике обязательной блузки, были частью образа пожилой женщины, и без них Катя ее себе и не представляла.

Часов около восьми убрали со стола и наступило время десерта и фруктов. В ближайшей к дому кондитерской были заказаны крошечные, удивительно вкусные пирожные, Глаша испекла бабушкин любимый торт «Прага», из мельхиоровых ваз на скатерть свисали хвостики черешни, аромат клубники плыл по комнате, чай исходил горячим духом бергамота, постепенно сходил на нет шум разговоров, ушла домой соседка Нина Петровна, захватив с собой большой кусок торта для внуков, прощалась в коридоре Мирра Ивановна, уже раскланялся и ушел Вадим Алексеевич, за столом сидел только Михаил, которого Глаша называла троюродным братом, но на самом деле был он Колокольцевым седьмой водой на киселе, поскольку троюродным братом Аглае Тихоновне приходился его отец.

С Михаилом Лондоном Катерина всегда общалась во время «больших» семейных посиделок, поскольку был он ее возраста, работал начальником Департамента по связям с общественностью в «Газпроме», обладал широким кругозором, знал много, рассказывал интересно. Впрочем, это качество – быть прекрасным собеседником – было присуще всем Колокольцевым и, видимо, передавалось с молоком матери.

– Тебя подвезти? – спросил Михаил у Екатерины. – Я же помню, что нам в одну сторону. А хочешь – к нам заедем, Маша будет рада. Давно не виделись. – Машей звали его жену. – Или ты еще посидеть хочешь?

– В гости уж точно не поеду, не то сейчас время, Миш. А насчет подвезти… Так-то было бы здорово, но, наверное, надо помочь со стола убрать и посуду вымыть. Сейчас Аглая Тихоновна освободится, и я спрошу.

– Да с посудой и уборкой Глашка прекрасно справится. А ты, если останешься, потом будешь полтора часа до дому добираться, да еще и на метро. А для метро сейчас, как ты совершенно справедливо заметила, не то время.

По-хорошему, на предложение нужно было соглашаться, потому что в метро на Катю действительно нападала невесть откуда взявшаяся паника. Если ей предстояло проехать более четырех остановок, то она начинала задыхаться и уже несколько раз вынуждена была выскакивать из вагона, а потом наверх, на воздух, чтобы унять бешено колотящееся сердце. Заканчивать путь приходилось пешком, а на улице снова зарядил дождь, шедший все утро. Да, если уехать с Михаилом на машине, то все будет гораздо проще. Но Аглая Тихоновна…

Впрочем, Катя знала, что именинница устала. Ее лицо казалось еще более осунувшимся, чем несколькими часами ранее, у носа пролегли глубокие складки, будто она не с близкими общалась, а разгрузила товарный вагон. Ну или у операционного стола простояла эти четыре часа. Хотя чему удивляться. Все утро Аглая Тихоновна провела на кухне, у плиты, а потом еще «спину держала», как привыкла называть поведение при чужих людях сама Катя. В ее возрасте, да с непривычки, да после карантина… Нет, решено, надо ехать с Мишей, оставив пожилую женщину отдыхать. Или все-таки отправить ее в постель, а самой помочь Глашке с посудой?

Принять окончательное решение Катя так и не успела. Зазвонил оставленный Глашей на столе телефон. Сама девушка была на кухне, откуда доносилось звяканье тарелок. Катя скосила глаза на последней модели айфон, который бабушка успела купить внучке уже за время карантина. Ой балует Аглая Тихоновна Глашку, ой балует.

«Аня», – было написано на экране.

На мгновение Катя «зависла», не зная, что делать. Пока она добежит с телефоном до кухни, телефон перестанет звонить. На самом деле, действительно интересно, почему Анна поступила сегодня так по-свински. Значит, надо ответить, и ничего неудобного в этом нет.

– Аня, привет, это я, Катя, – сказала она в трубку довольно холодно. Оправдания поступку коллеги она не видела, – Глаша на кухне, сейчас я отнесу ей телефон, подожди немного. Кстати, Аглая Тихоновна вас ждала, и, извини, за нотацию, но

тебе не кажется, что так поступать некрасиво?

В трубке слышалось прерывистое Анино дыхание и какие-то странные звуки, всхлипы, что ли. Внезапно Катю осенило, что девушка плачет.

– Ань, ты чего, ревешь? – спросила она и приостановила свой бег в сторону кухни, потому что в коридоре по-прежнему прощалась с подругой Аглая Тихоновна, и расстраивать ее в день рождения любыми неприятностями, пусть даже и не имеющими к ней непосредственного отношения, Катя не собиралась. – Случилось что-нибудь?

– Катя, отнеси Глашке трубку. Мне нужно, чтобы она срочно ко мне приехала.

– Аня-я, – теперь Катя говорила совсем аккуратно, потому что ее молодая соседка по гримерке была явно не в себе, – как она к тебе приедет, если у ее бабушки сегодня день рождения, и еще даже не все гости ушли. Скажи мне, почему ты плачешь? Ты заболела? У тебя коронавирус? Температура? Или бабушке плохо? Скажи мне, и мы решим, что нужно делать.

– Сделать уже ничего нельзя, – голос в трубке захлебывался от рыданий. – Бабушке не плохо, она умерла. Точнее, ее убили.

Глава третья

1952 год, Магадан

Иногда правильное решение приходит тогда, когда кажется, что сделать ничего нельзя. Аглая Дмитриевна с нежностью смотрела на завернутую в одеяло месячную внучку. Тихон и Ольга назвали ее в честь бабушки, Глашей. Хотя девочка была еще крохой, уже сейчас невооруженным глазом было заметно их потрясающее сходство. Аристовская порода, ничего не попишешь.

У малютки были такие же черты лица, как у бабушки и ее сестры Веры, оставшейся в далекой Москве. Баюкая внучку, Аглая Дмитриевна вспоминала, сколько не видела сестру. Получалось, ровно пять лет с того дня, как Вера провожала их с Олей у вагона поезда Москва – Владивосток и рыдала так, как будто они отправляются в преисподнюю. Хотя, в каком-то смысле, так оно и было.

– Хоть ребенка с собой не тащи, – сквозь слезы бормотала Вера и сморкалась в тонкий батистовый платочек, который комкала в руке.

Платочек был еще из «той», стародавней жизни, давно исчезнувшей, растворившейся в тумане памяти. Бабушкин это был платочек, и у Аглаи тоже были именно такие, отороченные французским кружевом, вот только она, в отличие от Веры, давно уже не рисковала их доставать.

«Ребенок», стоявший рядом с Аглаей, был ее семнадцатилетней дочкой Олей, уже вышедшей из детского возраста. Ехать в Магадан Ольга не хотела, отчаянно умоляя мать оставить ее в Москве, у тетки. Вера была не против, и муж ее, разумеется, тоже. Вот только Аглая, представляя, как счастлив будет Саша, увидев дочь, которую помнил восьмилетней девочкой, наотрез отказывалась обсуждать такую возможность.

– Вера, мы все обсудили, дочь едет со мной, – устало сказала Аглая Дмитриевна и подхватила два тяжеленных чемодана из трех. – Оля, бери вещи и иди в вагон, поезд скоро тронется.

Предстоящая поездка, да и вся будущая жизнь, круто меняющаяся в очередной раз, пугали ее ничуть не меньше, чем Олю. Хотя, казалось, свое Аглая Дмитриевна давно уже отбоялась. В первые годы семейной жизни с Александром Лавровым ей казалось, что все ужасы позади. Ее Саша, мудрый, опытный, ироничный, а главное, страстно любящий ее, был дипломатом. Сначала они много ездили по заграницам, потом, после того, как родилась Оля, осели в Москве, горячо любимом Аглаей Дмитриевной городе, в котором у нее было все, о чем только можно было мечтать. Большая квартира, заграничные наряды, изысканная еда. Она блистала в высших кругах, потому что, во-первых, была довольно красива, а во-вторых, моложе жен других Сашиных коллег.

Будучи близок к министру иностранных дел Литвинову, Саша пользовался уважением и полагающимися по роду службы благами. У Лавровых была домработница, на лето семья уезжала на правительственную дачу, у Оли имелась няня, и иногда, забываясь, Аглая Дмитриевна думала о том, что после революции в стране, по большому счету, не так уж много изменилось. Для элиты, разумеется, к которой она по праву относила и себя.

Все рухнуло в одночасье, в 1939-м. Конечно, Аглая Дмитриевна не была ни слепой, ни глухой, ни дурочкой – о знаменитых черных «воронках», после визита которых навсегда пропадали целые семьи, знала. Но ее семьи не касались аресты. Тридцать четвертый год сменился тридцать пятым, потом тридцать седьмым, и она как-то расслабилась, оттаяла изнутри, перестав просыпаться от звука мотора по ночам. А потому оказалась совершенно не готова к тому, что за Сашей, ее мужем, тоже придут.

3 мая 1939 года Аглая запомнила на всю жизнь. В тот день Саша вернулся с работы раньше обычного и, не раздеваясь, прошел в кабинет, где прямо в ботинках и шляпе лег на кровать поверх покрывала. Обрадованная приходом отца Оля тут же забралась сверху, рассказывая о каких-то школьных событиях, приключившихся с ней сегодня, но обожавший дочь Саша не поворачивался и никак не реагировал.

– Папа, тебе плохо? – шепотом спросила Оля и тут же слезла с кровати, крича во все горло: – Мама, папе плохо!

С первого же взгляда на мужа Аглая поняла, что он не болен. Отослала Олю к себе, присела рядом, положив прохладную узкую руку с длинными пальцами на горячий лоб. Тихо спросила:

– Что?

– Литвинова сняли, – одними губами ответил муж. – У нас теперь новый нарком иностранных дел – Вячеслав Молотов.

– Это очень плохо?

Саша немного помолчал перед тем, как ответить.

– Очень. И для меня, и для страны. Для страны, потому что всех профессионалов уберут, а мир на пороге больших событий, неспокойно все вокруг, ой, неспокойно. Я никогда тебе этого не рассказывал, но у нас и так полно незаполненных вакансий и в Центральном аппарате, и в загранпредставительствах. Где это видано, чтобы послов не было в наших представительствах в США, Японии, Польше, Румынии, Испании, Литве, Дании, Венгрии, Болгарии. У нас в Центральном аппарате из восьми заведующих отделами утвержден только один. А на работу кого берут? Глаша, это же страшно. В дипломатическую службу, которая требует интеллекта, знаний, кругозора, в конце концов, набирают людей только на основе их анкетных данных. Эти люди не знают иностранных языков, не разбираются ни в истории, ни в политике. Это же дипломатия, Глаша. Она сложна и крайне деликатна.

– Я не поняла, ты переживаешь за судьбу дипломатии в Советском Союзе? Или это действительно плохо для тебя, для нас?

– Это плохо для меня, Глаша. И для нас. Потому что предстоит большая кадровая чистка, а мне Максим Максимович всегда доверял и выделял среди прочих, так что меня точно не оставят.

– На работе?

Он снова посмотрел на жену больными, почти дикими глазами.

– Если повезет, то на работе. А не повезет, то и на свободе. Ты вот что, Глаша, до вечера собери Олины вещи и отвези ее к Вере, пусть пока там поживет. Не надо ей тут быть, когда…

Он помолчал и сглотнул что-то тяжелое, комом застрявшее в горле.

– …когда все произойдет.

Аглая послушно увезла дочку к сестре. Муж Веры, Борис Лондон, играл в созданном за три года до этого Государственном академическом симфоническом оркестре. Сама Вера не работала, Димка, ее сын, ровесник Оли, тоже учился играть на скрипке, с охотой посещая музыкальную школу. Оркестр пользовался негласной защитой, особенно выдающиеся музыканты, которых было некем заменить. Другими словами, в доме Веры и ее мужа Оле было действительно

безопасно.

Александра Лаврова арестовали на следующий день, 4 мая. Долгие восемь лет Аглая Дмитриевна Лаврова, в одночасье ставшая женой врага народа, ничего не знала о его судьбе. Более того, она была уверена, что мужа нет в живых. Из квартиры ее выселили, так что пришлось собирать вещи и тоже переселяться к Вере. Быть в тягость сестре Аглая не хотела, но денег на то, чтобы снять жилье, у нее не было. Для того, чтобы иметь хоть какую-то зарплату, она начала давать уроки игры на пианино. Домой приходила только ночевать, падая на кровать измученная и уставшая. Оля со страхом смотрела на мать и уходила к тетке – молодой, веселой, беззаботной, оставляющей за собой шлейф тонких духов. А потом началась война.

Почти сразу симфонический оркестр, в котором служил Борис Лондон, эвакуировали в Среднюю Азию, Вера с сыном и племянницей уехала вместе с оркестром, и Аглая осталась в Москве одна, устроившись на работу в госпиталь. Ведь музыка теперь была никому не нужна. В сорок третьем оркестр вернулся в Москву, дав первый концерт в октябре, и дом снова наполнился голосами близких и дорогих Аглае людей. Дочь, которую она не видела почти два года, стала не то чтобы чужой, а какой-то другой, незнакомой.

Оля часто сидела, глядя в одну точку, словно погруженная в какой-то внутренний, только ей одной ведомый мир. Или рисовала. На ее рисунках оживали мужчины и женщины в разных, иногда удивительно причудливых нарядах. Больше тринадцатилетней девочке ничего не нравилось. И Аглая уступила, покупая дочери альбомы с белоснежными листами и карандаши. Достать их в военной Москве было нелегко.

Некоторая потусторонность дочери Аглаю Дмитриевну не пугала. Она и сама жила словно во сне, внешние события были похожи на картинки в калейдоскопе, декорации, меняющиеся при каждом круге сцены. Она словно не жила в них, а смотрела со стороны, потому что со дня ареста мужа ничего не чувствовала. Ни горя, ни любви, ни боли, ни радости, ни страха. Даже война, казалось, прошла стороной, хотя в госпитале, после войны ставшем больницей, где работала Аглая Дмитриевна, видела она за это время достаточно людских страданий. Но и они оставляли ее холодно-равнодушной, что немало удивляло коллег, начавших в результате ее сторониться.

Странной была эта строгая сорокапятилетняя женщина, одетая в обязательную длинную юбку с непременной камеей у хрупкого горла. Странной и чужой, оттого казавшейся опасной. Людская отчужденность Аглаю Дмитриевну не огорчала, потому что ей не было ни до кого дела. Друзья семьи, которых у Лавровых всегда было достаточно, исчезли еще в тридцать девятом. Немногих оставшихся рассеяло войной, и по большому счету, никого у Аглаи не было, кроме дочери, сестры и ее семьи. Она привыкла к такой жизни, так разительно непохожей на прежнюю, и не роптала, потому что так жили если не все, то многие.

Письмо, в очередной раз круто переменившее привычный уклад жизни, пришло летом сорок седьмого. Оно было написано месяца за три до этого, долго передавалось из рук в руки, пока не оказалось опущено в почтовый ящик уже в Москве. Отправлено оно было на адрес и имя Веры Лондон, и только в скобках значилось, что его нужно передать Аглае Лавровой. Заметив почерк на конверте, которым было выведено ее имя, Аглая Дмитриевна, доставшая письмо из почтового ящика, села прямо на ступеньки подъездной лестницы, не в силах ни оторвать край конверта, ни пойти домой. Письмо было от Саши. Ее Саши. Письмо, полученное через восемь лет разлуки.

Все эти годы Вера и ее муж Борис аккуратно, исподволь, но все-таки решительно убеждали Аглаю, что Александра давно уже нет в живых. Вера пыталась вырвать старшую сестру из состояния оцепенения, в котором та пребывала, вернуть к нормальной жизни, поставить точку, подвести черту под прошлым. Борис и вовсе считал, что сестре его жены нужно снова выйти замуж. Несмотря на всю свою холодность и чопорность, Аглая Дмитриевна была красивой женщиной, на которую засматривались многие музыканты из симфонического оркестра. Приходя в гости к Лондонам, эти мужчины цепенели при виде Аглаи с ее шуршащими юбками, но ни одному она не оказала милости, ни одному не подарила надежды.

– Я обет давала, – резко сказала она как-то Борису, пытавшемуся расписать достоинства какого-то очередного своего коллеги. – Муж мой жив, по крайней мере, для меня, и я буду считать его живым до тех пор, пока не получу доказательств обратного. А раз так, значит, ни о каких других мужчинах не может быть и речи.

И вот теперь по всему выходило, что она была права, а ее близкие ошибались. Сколько Аглая сидела на лестнице, она и сама не знала. Немного придя в себя,

она поднялась в квартиру, заставила себя переодеться в домашнее, умылась, зачем-то распустила тугую ракушку волос и долго расчесывала ее, сидя перед зеркалом в их с Олей комнате.

Дома никого не было. Борис был на репетиции, Димка и Оля в школе, Вера у портнихи. Вообще-то, вернувшись с ночного дежурства, Аглая собиралась поспать пару часов, пользуясь царившей в квартире тишиной, но вместо этого достала тонкий ножичек для разрезания страниц, оставшийся еще от бабушки, вскрыла замусоленный конверт, погладила пальцами неровные строчки, написанные знакомым, до боли родным почерком, достала листок бумаги из ученической тетрадки в косую полосочку. «Дорогая, любимая моя Глаша», – так начиналось письмо.

К тому времени, как Вера вернулась от своей портнихи, Аглая уже приняла решение. Через три недели, которые потребовались на то, чтобы уволиться с работы, собрать вещи и запастись всем необходимым, они с Олей стояли на перроне, прощаясь с Верой, чтобы уехать в Магадан. Там на поселении жил Александр Лавров, отпущенный из лагеря, но не до конца освобожденный. Там, рядом с мужем и отцом, теперь предстояло жить Аглае Дмитриевне и Ольге.

Там, в Магадане, спустя три года они остались вдвоем, когда Александр Лавров умер от туберкулеза. Там, спустя пару месяцев после его смерти, начальник прииска, на котором Саша «заработал» этот самый туберкулез, переведенный по партийной линии в Магадан, сделал предложение двадцатилетней Ольге, с которой не сводил глаз при встречах. Там Аглая Дмитриевна, прикинув, что ждет их с дочерью, если они откажутся, настояла на том, чтобы Ольга предложение приняла. И там, в Магадане, родилась маленькая Глаша, названная родителями в честь бабушки.

Аглая Дмитриевна баюкала Аглаю Тихоновну, с нежностью вглядываясь в крошечное личико, так похожее на ее собственное. И Верино. И бабушкино. Тонкие аристовские черты победили и лавровские, и колокольцевские гены. Хорошо это или плохо, укачивающая внучку бабушка не знала.

* * *

Наши дни, Москва

Аглая Тихоновна выглядела совершенно спокойно, но Катя не знала, хорошо это или плохо. Пожилая женщина всегда умела держать себя в руках. Еще бы, она же хирург, но по трепетавшим ноздрям Катя все-таки догадывалась, что внутри у бабушки ее подружки бушует ураган, чреватый сердечным приступом. Еще бы, такие новости.

По зрелом размышлении, внезапная смерть школьной подружки, которую Аглая Тихоновна не видела больше пятидесяти лет, не должна была нанести ей никакой душевной травмы. Потрясенной именинница действительно не выглядела. Узнав, что случилось, деловито велела внучке собираться и ехать к подруге.

– Но, Аглая Тихоновна, а вы как же одна останетесь? – запротестовала Катя.

– Анюте Глаша сейчас нужнее. У человека горе, значит, нельзя оставаться в стороне, – отрезала пожилая женщина. – А со мной ничего не случится. А если ты останешься и поможешь мне помыть посуду, то тем более. Оставайся, Катюша, чайку попьем, поболтаем.

Показалось Катерине, или Аглая Тихоновна хотела о чем-то с ней поговорить…

– Миша, ты поезжай домой, – сказала она переминающемуся с ноги на ногу родственнику хозяев дома. – Ты извини, мы тебя и так задержали.

– Да я ж понимаю. Ничего себе новости. И кому старуха могла понадобиться? Известно хоть, украли у нее что-то или нет?

– Да не знаем мы, – досадливо сказала Катя. – Аня так рыдала, что я вообще почти ничего не могла разобрать. Миш, ты бы подвез Глашу к ней, чтобы она транспортом не пользовалась. За руль же не сесть, она вино пила.

– Ладно, подвезу, – покладисто согласился тот.

– Мишенька, хоть ты и есть мой любимый троюродный племянник, но и тебе непозволительно хамить, – сообщила вдруг Аглая Тихоновна. Все посмотрели на

нее в немом изумлении, потому что интеллигентный Михаил хамить не мог по определению. – Ты назвал Нюрку старухой и, исходя из того, что мы учились в одном классе, ты считаешь старухой и меня. Для этого, несомненно, есть все основания, уж коли сегодня мы отметили мое шестидесятивосьмилетие, но все-таки мне всегда казалось, что воспитание должно позволить тебе держать свое мнение при себе, а язык за зубами.

От отповеди Михаил покраснел как рак.

– Тетя Глаша, виноват, не подумал, каюсь, – сказал он и склонил голову. – Глупость сморозил.

– Да ладно, ты же не со зла. Для вас все, кто старше вас лет на десять, уже старики и старухи, так что мне не на что обижаться. Я и не обижаюсь, если только расстраиваюсь из-за пробелов в твоем воспитании, к исправлению которых не приложила руку.

– Тетя…

Аглая Тихоновна махнула рукой:

– Не нуди, Миша, поезжай. Вон и Глаша уже собралась. А мы с Катюшей посуду перемоем, не торопясь.

Хлопнула входная дверь, и Катя с Аглаей Тихоновной остались вдвоем.

– Может, вам полежать? – спросила Катя с надеждой, отлично, впрочем, зная ответ на свое предложение. – Я прекрасно сама все вымою и уберу.

– Ты у нас не в прислугах, деточка, – отрезала Аглая Тихоновна, когда она говорила таким тоном, спорить было бесполезно. – Так что я буду очень благодарна тебе, если ты мне поможешь, но не более того.

Она сама встала к раковине, заставив Катю, после того как она принесла на кухню всю посуду, сесть у стола. С этой позиции ей была видна только спина Аглаи Тихоновны, прямая, узкая, практически девичья спина, и по ее напряжению Катя вдруг поняла, что хозяйка квартиры вовсе не так спокойна,

как хочет показаться.

– Аглая Тихоновна, вы что-то знаете?

Спина дрогнула, словно ее застали врасплох.

– Что?

– Вы знаете, почему могли убить эту вашу… Нюру. Интересно, как ее на самом деле зовут, то есть звали.

– Антонина. Девичья фамилия у нее была Селезнева, а по мужу, стало быть, она Демидова. Хотя я этого не знала, пока она в Москве не объявилась. Мы расстались в июле шестьдесят девятого, когда я уезжала из Магадана. Мы с Иринкой уезжали, третьей нашей подружкой. Я больше никогда не была в Магадане, потому что у меня там никого не осталось. Не к кому было возвращаться. А Нюрка, Тоня то есть, так мечтала приехать к нам в Москву, но у ее мамы денег не было, она на хлебокомбинате работала, Нюрку одна растила, так что не было ни малейшего шанса ее увидеть. Тогда я была в этом уверена. Я же даже не знала, что она замуж вышла, во Владивосток переехала. А у нее сын, оказывается, вице-адмиралом флота стал, внучка актрисой. Зигзаг судьбы, ничто иное.

– А третья ваша подруга неужели ничего вам за эти годы не рассказывала? Или она тоже не знала?

Аглая Тихоновна повернулась и посмотрела на Катю дикими, почти сумасшедшими глазами.

– Иринка? Деточка, она не могла ничего знать и рассказать. Она умерла.

– Давно?

– Пятьдесят лет назад. Как раз по дороге из Магадана в Москву. Мы же должны были самолетом лететь, папа мой, царствие ему небесное, нам два билета купил, но из-за похорон моей семьи самолет улетел без нас. Я бы сдалась, не поехала. Я тогда в таком состоянии была, что мне ни Москвы не надо было, ни

института, ничего. Но Иринка мне не дала. Она вообще пробивная была, упертая, если чего в голову втемяшится, то все, не собьешь. Она меня и убедила, что в Магадане мне оставаться незачем. Что там делать одной? В общем, она меня убедила, что отступать от намеченных планов нельзя. На новые билеты на самолет денег, конечно, не было, у меня вообще тогда ничего не осталось, только то, что было на мне надето в тот проклятый день рождения. В общем, она договорилась с водителем грузовика, который в Якутск ехал. Трасса «Колыма», слышала о такой, деточка? В общем, мы должны были добраться до Якутска. Там у Иринки жила какая-то тетка, которая нашла оказию отправить нас в Большой Невер, чтобы там сесть на поезд и уехать в Москву.

– И что случилось? – с замиранием сердца спросила Катя.

– Машина застряла, нам пришлось ее выталкивать. Трасса «Колыма» и сейчас-то не в очень хорошем состоянии, говорят, а уж пятьдесят лет назад и говорить было не о чем. Шел дождь, было холодно. Мы обе простудились, и я, и Иринка. Тетка ее, конечно, разохалась, пыталась ноги нам парить, чаем с малиной отпаивать, баню растопила. По-хорошему, Иринке отлежаться надо было пару дней, но мы не могли задерживаться. Та машина, которая в Большой Невер шла, не стала бы нас ждать. Да и билетам на поезд мы не могли дать пропасть, других денег у нас не было. В общем, в поезд Благовещенск – Чита в Большом Невере обе сели с насморком, кашлем и температурой, а в дороге у Иринки началась пневмония. С температурой под сорок в Чите ее увезли в больницу, прямо с поезда сняли, и ночью Иринка умерла. Так я и осталась совсем одна. Без семьи, без подруги, без денег… В поезд меня посадили, добрые люди помогли билет переоформить, так что до Москвы я все-таки добралась. И в институт поступила. Тот, в который Иринка мечтала, а я вслед за ней собиралась. В медицинский. Вопреки обстоятельствам, вопреки судьбе, вопреки всему.

Катя порывисто вскочила со стула, наклонилась и поцеловала Аглаю Тихоновну в мокрую морщинистую руку. Та с улыбкой смотрела на стоящую перед ней молодую женщину.

– Брось, Катенька. Я понимаю, что в тебя вселяют трепет испытания, через которые мне довелось пройти, но наше поколение и не на то было способно. Особенно мы, родившиеся и выросшие в Магадане. Дети зэков и вертухаев, как я в каком-то стихотворении вычитала. И те и другие обладали чудовищным стремлением выжить. Вот я и выжила.

Повернувшись к раковине, она снова принялась за тарелки, явно давая понять, что разговор закончен. Но Катя так не считала. Мерно двигающаяся узкая спина оставалась все такой же напряженной, а Кате ужасно хотелось снять груз, который лежал на этих выносливых, но все-таки очень хрупких плечах.

– Аглая Тихоновна, – тихо спросила Катя, понимая, что ступает на запретную территорию, на которую ее не приглашали, – я же вижу, что вас что-то тревожит. Вряд ли это смерть Антонины, которую вы пятьдесят лет не видели. Аню и ее бабушку, конечно, очень жалко, но вы переживаете не из-за этого. Я права?

Аглая Тихоновна молчала. Руки ее замерли над раковиной, в которую теперь впустую била струя воды. Звонкие удары капель взрывали повисшую в кухне гнетущую тишину.

– Да, так и есть, – наконец, сказала именинница, и Катя выдохнула, осознав, что все эти секунды, оказывается, не дышала. – Тебе когда-нибудь говорили, Катенька, что ты очень умная? Это, кстати, плохо, потому что мужчины терпеть не могут проявлений женского ума.

Это была прежняя, язвительная Аглая Тихоновна, чему Катя обрадовалась, как ребенок. Она и сама не знала, почему с таким упорством лезет в чужую тайну, которая ее совсем не касалась, но все-таки спросила:

– Тогда из-за чего вы переживаете, Аглая Тихоновна. Что вас напугало?

Вопрос выскочил сам собой, и, услышав его, Катя вдруг поняла, что да, именно так, пожилая женщина боится, и сковавшее ее напряжение вызвано не чем иным, как страхом. Никогда раньше, за два года знакомства, Катя не видела ее напуганной.

Аглая Тихоновна молча домыла посуду, убрала ее в сушилку, выключила воду, насухо вытерла раковину, потому что не терпела расхлябанности даже в мелочах, повернулась к Кате и, глядя ей прямо в глаза, сказала:

– Что ж, пожалуй, я обо всем тебе расскажу. Ты права, мне действительно надо с кем-то поделиться. Не уверена, что я смогу повторить весь этот бред в полиции, но и молчать тоже не могу. Садись, я чайку нам с тобой налью.

Катя послушно села на свое привычное место, рядом с холодильником, а ее собеседница, поставив на стол чашки с чаем и остатки именинного торта, опустилась в свое кресло, выстланное куском белой медвежьей шкуры. На этой шкуре она сидела и зимой, и летом, уверяя, что мех лечит ее от всех старческих болячек. Катя всегда смеялась, потому что Аглая Тихоновна и старость были несовместимы.

– Видишь ли, Катюша, я не говорила про это Глаше, но мы с Нюркой успели встретиться.

– Как? – удивилась Катерина. – Когда, где? И почему вы это скрывали от Глаши?

– В самом факте встречи, разумеется, не было ничего секретного. Просто Глашка с этим вирусом совсем с ума сошла, не давала мне ни в магазин ходить, ни с людьми встречаться. Когда выяснилось, что приехавшая к Ане бабушка является моей давно потерянной одноклассницей, я, разумеется, решила с ней встретиться. Но, чтобы девочки не проедали нам плешь, что мы рискуем своим здоровьем, мы встретились на бульваре.

– Где? На Цветном? Там, где ее убили?

– Ну, в каком именно месте ее убили, я не знаю, – сухо сообщила Аглая Тихоновна, – но встретились мы именно на бульваре, примерно дней десять тому назад. Глашка торчала дома, и позвать Нюрку к нам я не могла. Да и вообще, ты знаешь, я же понятия не имела, какая она стала, а не в моих привычках впускать в дом посторонних. Я решила, что на свежем воздухе со всех точек зрения безопаснее, и назначила встречу на Цветном.

– И? Что там было?

Аглая Тихоновна усмехнулась.

– Ты знаешь, я ее сразу узнала. И она меня тоже. Вот вроде полвека прошло. Сколько людей за это время перед глазами промелькнуло. Мы и замужем обе были, и мужей схоронили, а я еще и дочь. А все равно увиделись, и словно не было всех этих лет, вокруг Магадан, а на календаре июнь шестьдесят девятого. Так странно.

Она провела рукой по лбу, словно отгоняя наваждение. Помолчала, как будто была не в силах продолжать. Катя ее не торопила, понимая, что собеседница сама все расскажет. Расскажет, потому что ей это необходимо.

– В общем, понимаешь, деточка, Нюрка рассказала мне новое о моем отце. То, что я не знала. Правда, не знала. Я рассказывала тебе, что он был руководителем прииска, на котором работали заключенные. Мой дед в том числе. Это был золотодобывающий прииск, правда, к моему рождению, точнее, даже ко времени знакомства с мамой, папа уже был переведен на партийную работу и жил в Магадане. Он оставил прииск в сорок девятом году, если я правильно помню. Приехал в Магадан, нашел моего деда, который там жил на поселении. Они сдружились очень, пока дед был на прииске.

Заметив изумленное выражение на Катином лице, она снова слабо усмехнулась.

– Да, это дико звучит, зэк и самый главный вертухай. Но дед был очень образованным человеком, бывшим дипломатом, объездившим кучу стран, а папа был жаден до всего нового, до книг, до истории, а потому деда привечал и подкармливал. По сути, он вообще ему жизнь спас, выбив перевод на поселение. Впрочем, я сейчас не об этом. Мой папа приехал в Магадан, нашел деда, познакомился с мамой и влюбился в нее. Потом дед умер от туберкулеза, а родители поженились. Я сейчас понимаю, что у мамы просто не было другого выхода. Они с бабулей остались вдвоем в холодном, чужом, суровом и страшном краю. Уехать обратно в Москву? Это было вряд ли возможно. Так что сначала папа спас деда, а потом его семью.

Она залпом допила чай, встала, чтобы налить новую кружку, как будто ее мучила жажда. Кате не предложила, но та даже глотка не сделала, так и сидела над полной чашкой.

– В общем, Нюрка сказала, что у нас дома хранился солидный запас золота. Когда-то отец насобирал на прииске и сумел незаметно вывезти. И что есть человек, который все эти годы ищет это золото, и сейчас он в Москве.

– Э-э-э, – осторожно сказала Катя. – И что с того, Аглая Тихоновна? Москва большая, в ней куча людей живет.

Собеседница посмотрела на нее с досадой, словно сердилась из-за того, что актриса Екатерина Холодова такая непонятливая.

– Постарайся сосредоточиться и проследить за ходом моей мысли, – холодно сказала она. – Мой отец хранил золотой запас, о котором я понятия не имела. Он вообще оберегал нас, женщин, от любой прозы жизни. В тот день, когда я окончила школу, в день моего семнадцатилетия, мой отец погиб. Вся моя семья погибла. При этом пропала шкатулка с маминими драгоценностями. Вернее, я больше не знала ни о чем ценном, что могло храниться в нашем доме. Но оно было. Золото было. И есть человек, который об этом знает. Он в Москве, чтобы меня найти. Он думает, что золото у меня, понимаешь?

– Нет, – честно призналась Катя. – Откуда вообще ваша Антонина могла обо всем этом узнать? О том, что золото было. О том, что оно пропало из квартиры. О том, что он его ищет. О том, что он в Москве?

– Он сам ей сказал, – тихо ответила Аглая Тихоновна. – Тогда, в Магадане, после нашего с Иринкой отъезда, Нюрка встретила его на улице. Он был страшно зол, узнав, что мы обе уехали. Он был зол и пьян, и кричал, что я его обокрала. Забрала то, что принадлежало ему по праву. Он клялся, что найдет меня и убьет. А некоторое время назад Нюрка встретила его в Москве. Понимаешь? Он в Москве, Катя, и я очень боюсь.

– Аглая Тихоновна, – Катя взяла в ладошки руки собеседницы, они были холодными, словно две ледышки. – Ну давайте будет рассуждать логически. С того дня, как погибла ваша семья, прошло больше пятидесяти лет. Даже если тогда этот человек был на вас зол и что-то искал, за эти годы у него явно была не одна возможность вас найти. Если он не сделал этого за полвека, то почему он должен сделать это сейчас? Может быть, он уже и думать забыл и про вас, и про золото, о котором вы даже не можете точно сказать, существовало оно или нет.

– Ты абсолютно права, – согласилась Аглая Тихоновна и снова сделала глоток чая, чтобы смочить пересохшее горло. – Признаться, я совершенно не обратила внимания на Нюркины слова, потому что они показались мне удивительной глупостью.

– И что изменилось?

Глаза Аглаи Тихоновны казались бездонными на белом, лишенном красок лице, губы дрожали.

– Тоню убили. Вот что случилось, – сказала она почти беззвучно и заплакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Читайте об этом в романе Людмилы Мартовой «Лунная дорога в никуда».

Купить: https://tellnovel.com/ru/martova_lyudmila/posledniy-shtrih-k-portretu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить